

Вера Егорова

Непобедимая сила

В. З. Егорова

В.З. Егорова
«Непобедимая сила»
(проза, стихи)

Издательство «Северный Казахстан», 2010 г. - 122 с.

Верстка: А. Пестрецов
Дизайн обложки: Е. Горковенко

БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА «ПРОВИНЦИЯ»

Выпуск №31
Главный редактор издательства И.И. Моор

Поставлен на учетную регистрацию в Министерстве информации Республики Казахстан. Свидетельство № 8271-Ж, выдано 18 апреля 2007 года. Собственник: ТОО «Издательство «Северный Казахстан». Тираж 220 экземпляров. Номер отпечатан в типографии ТОО «Издательство «Северный Казахстан», Петропавловск, ул. Театральная, 42

Адрес редакции: 150001, г. Петропавловск, ул. Кошукова, 5.

Клуб «Подлесок» изданием этой книги хочет почтить память председателя совета клуба, журналиста, человека, общественницу, нашего ведущего автора Веру Захаровну Егорову.

Дочь «врага народа» пятилетней девочкой попала она в Казахстан, и эта земля стала ей Родиной. Здесь Вера Захаровна получила специальность, вышла замуж, вырастила детей. Здесь работала, и труд ее был отмечен правительственными наградами. Здесь она писала свои стихи и рассказы о любви к казахстанской земле, ее людям.

Оптимизм, человечность, вера в людей – качества, которыми обладала Вера Захаровна, присущи ее произведениям. Вы сами убедитесь в этом, раскрыв эту книгу. Память нашего товарища В.З. Егоровой для нас светла и чиста. Очень жаль, что эта книга не увидела света при жизни автора. Но для нас, земляков В. Егоровой, выход книги в свет – событие большое и доброе.

Члены литературно-творческого клуба «Подлесок»

Название этой книги не случайно. Моя мама любила жизнь, любила людей и научила нас с братом главному: любовь – это смысл жизни. Все, о чем писала она, все, чем жила, дышит эти чувством. О непобедимой силе ее любви говорит не только эта книга: все, что она делала, во что верила.

Моей маме Вере Захаровне Егоровой

*Я молюсь великой любви
Перед ликами всех святых.
Злые мысли, дела мои
Не заденьте любимых, родных.
Не пади на них никогда
Тень ошибок моих и грехов,
Обойдите болезнь и беда.
Боже! Ты, чье имя – Любовь,
Мало я возлюбила. Прости.
В милосердной любви своей
Светом чистым их жизнь освяти
И меня, прошу, пожалей.
Если выпадет злая напасть,
Пусть не им, только мне одной.
Дай за них пройти, не упасть
Под крестом тропюю крутой.
Но бессильно смотреть,
Не помочь, не спасти
Больше, Господи, не приведи
Я любви милосердной молюсь
Все прощающей до конца.
А слова мне подскажут пусть
Души мамочки и отца.
Как прощали меня они,
Боже щедрый, прости! Молю!
Не прошу продлить мои дни,
Но пока дышу – пусть люблю.
Вновь дожди грибные пошли,
Улыбнулось сквозь слезы небо...
В расписном подоле Земли
Лето зреет колосьями хлеба.
А Любовь всемогущая дышит везде:
В людях, в травах, в деревьях, в воде.*

Татьяна Егорова

Баллада о хлебе

Пять веселых дней (из рассказов деда Маковей)

Хитро прищутив глаза, дед Маковей спросил меня однажды:

- Сколь дней, по-твоему, человек может просидеть на комбайне, да не просто просидеть, а хлебушко косить при этом?

- Без пищи и воды? – наивно удивилась я.

- Фу, ты, невёда, прости Господи! – рассердился дед. – Ел он, конечно, и пил, как надобно. Но с комбайна не сходил. Это точно.

- А кто это был, такой герой? – спрашиваю.

- А брательник мой, Игнат. Теперь уж помер. Он старше меня на пять годов.

- Расскажите, Иван Платоныч! – попросила я.

- А вот слушай. Страда в том году была трудная. Дожди, даже снег был. Но выпадали и солнечные дни. И вот приехал как-то агроном наш Коля Платов из района и говорит:

- Пять дней погоды хорошей обещают по прогнозу. Вот бы добить семенное поле за эти дни. Кто возьмется, мужики? Игнат и вызвался. Сел он на комбайн в пять часов утра и косил до обеда без отдыха. Обед ему привезли в полдень. Он наскоро поел прямо на комбайне и опять косил до часу ночи. Прямо на комбайне поспал до четырех утра и снова начал косить. В восемь часов привезли завтрак, он поел на ходу и косил до полудня. Пообедал снова на комбайне и опять косил уже до двух часов ночи. Спал он в этот день и все остальные по два часа в сутки, а остальное время – косил. Семенное поле кончил за четыре с половиной дня, но не ушел с комбайна, докосил останюю делянку на соседнем поле до двух часов ночи. После этого ушел в вагончик и спал четырнадцать часов. Во, какой был богатырь мой брательник Игнат! А лет ему тогда было уж полсотни с гаком.

- А что было потом? – спросила я.

- А что было-то? Корреспондент приезжал. Донимал его спросом. Только Игнат у нас молчун был. Агроном за него и отвечал газетчику. А сам он на один вопрос всего и ответил:

- Трудными Вам показались эти дни на комбайне?

- Веселые были деньки, - отвечал Игнат. – А чего? Поесть мне прямо к штурвалу подавали, как барину в постель. Веселые были деньки!

Так ничего больше этот газетчик и услышал от него. Но написал хорошо. А главное Игнатова «физия» и рот до ушей отменно получилась. Да еще на первой странице.

Мы долго смеялись с дедом, довольные друг другом: он тем, что развеселил меня своим рассказом, я – тем, что развеселился дед и забыл про свой ревматизм.

ХЛЕБУШКО

рассказы

Хлебушко

Без малого сорок лет отдал земле-кормилице старый хлебороб Иван Платонович Маковей. И говорил он о ней как о живом существе.

- Земля-то чего ждет от человека? – спрашивал он. И сам себе отвечал. – Заботушки да ласки. Вот тогда она тебя одарит такими дарами, что удивлению подобно.

- Чем пахнет корова? – рассуждал он далее. – Молоком да сеном. А чем роса пахнет? Травами да туманами. Река – рыбой да илом. А земля – она хлебушком пахнет, парным зерном. Да сколько же я этого запаху понюхал, всё мало, кажись.

Очень любила я слушать образную сочную речь старика. Столько мудрых мыслей о хлебе ни в одной энциклопедии не найдешь. Жаль, что редко удавалось навещать деда. Его не пугал блокнот, который я доставала из сумки. Только усмехнется в усы цвета пшеничных колосьев и скажет:

- Пиши, пиши. Может чего умного сбреншу. Вас ведь сейчас науками разным обучают, а вот по земле-матушке не ходите, а все машинами ее сердечную мнете. Да все бегом, бегом. А оно ведь бегом-то хорошо на пожар, работать же надо споро, а не скоро. Ладно, уж, пиши, коли нужно.

После каждой встречи с дедом Маковеем пополнялись мои записи. Старик умер на 98 году жизни. Дай Бог каждому из нас прожить свою жизнь как он в труде и твердой уверенности в том, что оставил свой след на земле надолго.

А рассказы деда Маковей, полные жизненной правды, остались в моих блокнотах, и теперь я попытаюсь поделиться с вами этим наследием мудрого хлебороба.

Любимое время

- Ну, и какую пору в своем хлеборобском деле Вы любите больше всего? – спросила я как-то у деда Маковей.

- А ту, что и сама земля-матушка любит. Вот у вас, у баб, самая счастливая пора когда? – хитро усмехнулся дед. – Не думала, поди? А я так скажу. Родила третьего дня внучка моя Марья сына. Зашел я на правнука глянуть, а загляделся на Марию. Лежит она вся светлая, уставшая, да счастливая. Подарила мужу сына, отцу – внука, а деду – правнука и отдыхает теперь легко и радостно. Так и земля наша. Отгудела страда, увезли все, что родила она людям, вспахали зябь и отдыхает кормилица, счастливая. Хоть и зябко ей при первых холодах, и жмутся пашни к околкам голым, а все-таки это самое любимое время и у земли, и у хлебороба – отдых после больших и праведных трудов. Ну, теперь знаешь какое самое любимое время у меня? Осень. Хоть зима тоже хороша.

Самый вкусный хлеб

- Вот какой, по-твоему, самый вкусный хлебушко? – спросил однажды старый Маковей.

- Наверное, из крупчатки да сдобный. Я больше люблю булочки бабы Вари. Отменно она их печет! – наивно ответила я.

- Эх, ты, мудрая писака, - хмыкнул дед. – Я вот тебе расскажу о самой сладкой своей краюхе в жизни. Было то давно, еще до войны с фашистом. Колхоз у нас только поднимать начали. Беднота, голытьба да думки о счастливой жизни. Урожай в тот год на пашне, с великим трудом засеянной, уродился на славу. И рожь, и пшеница стояли на загляденье. Перед самой жатвой весь колхоз поднял ночью набат: кулаки подожгли нашу ниву с трех сторон. Я тогда был мужик еще молодой, да семья-то уж велика: жена, два сына, две дочери, а еще мать-старуха. Голодная смерть из этого пламени светила всем нам. Ох, и мчались же мы тогда на поле! Ничего не жалея тушили огонь. И спасли ниву нашу. Сгорела совсем самая толика. Сильно обгорел я на пожаре, и убирали хлеб без меня. На трудодни немного пришлось тогда, а все ж испекла моя Ульяна каравай из этой пшенички и подала мне в постель краюху медом намазанную. Вот тогда я и ел самый вкусный в своей жизни хлеб. Ел и плакал. И Ульяна плакала. Не едал я с тех пор слаще краюхи, хоть потом уж как колхоз миллионером стал после войны, был хлеб и сдобнее, и белее. А ты говоришь – Варькины булочки!

Колоски

Один единственный отпуск провела я у деда Маковея полностью. Дали мне его осенью, ехать далеко не имело смысла, и я закатила на месяц к деду слушать его рассказы и пить козье молоко.

Однажды дождливым осенним вечером мы все сидели на кухне вокруг большого стола и пили чай с медом. Дед был не в настроении, хмурился, ворчал на свою дочь Варвару, жаловался на боль в суставах. Правнучка его Елька (родители дали ей причудливое имя Габриэла) принесла в керамической вазе оригинальный букет: колосья пшеницы, ивовые прутья, большой лист лопуха.

- Елька, что это за фокусы? – зло спросил старик.

- Икебана, деда, - с гордостью ответила та, - в школе учили.

- Это японское искусство составлять букеты из обыкновенных растений не только из цветов, - вмешалась я, стараясь успокоить старика. – Иногда в букеты вставляют палочки, цепки, кусочки коры. Это очень тонкое искусство.

- Искусство! – передразнил дед. – Ну, пушай щепки да кору, а зачем же над хлебушком измываться, с лопухом колоски втыкать? Эх, вы! – он сердито сплюнул и пошел смотреть телевизор.

- Да унеси ты отсюда свою икебану, - зашептала баба Варя. – Не видишь, смурной дед сегодня, не зли его.

Елька поспешно убежала с вазой в свою комнату, а я под села к деду и ласково попросила:

- Иван Платоныч, расскажите что-нибудь из своей жизни. Страсть люблю, как Вы рассказываете.

Старик улыбнулся, оттаивая.

- Ладно уж, лиса! Слушай. Видал я нынче у Ельки в этой, как ее?
- Икебане, - поспешно подсказала я.
- Вот-вот, икебане. Слово-то, прости Господи, кошачье какое-то! Так увидал я в ей колоски и вспомнил как дочка моя Дашенька жизнь за них положила. Колоски-то эти на вес золота были, особенно в голодные годы. После того, как соберут урожай, да сдадут все до зернышка, посылали еще детвору колоски собирать. Вдруг, где какой еще остался. Вот как-то собирали девчонки наши, малолетки, колоски. Да так хорошо собирали, два мешка уж набили, радовались, похвалят. И не заметили, как подъехали на паре коней два мужика, здоровые, толстомордые. И стали у девчонок эти мешки отбирать. Раскидали их в разные стороны, а моя Дашутка как вцепилась в мешок, так и оторвать ее не могут.

- Не дам! – кричит, - это колхозные.

Тогда один из них так стукнул ее кулаком по голове, что упала она замертво. А мешки-то увезли все же.

Прибежали с криком девчонки в деревню, плачут, ничего толком сказать не могут, только: «Там Даша, там Даша!» Уж не помню, как я до того поля добежал. Смотрю, лежит она, моя кровиночка, и глаза в небо. Поднял ее, принес домой. Стонала очень, а к вечеру и померла. С тех пор как увижу колоски, так Дашеньку вспоминаю. Так что, Елькину икебану мне лучше не видеть.

Много еще рассказов деда Маковея ждет своего часа в моих блокнотах. Может быть, со временем, поделюсь этим богатством мудрости и красоты народной с людьми, которые равнодушны к ним.

Горькая краюха

Избушка лесника Никодима стояла на опушке леса. До войны здесь было большое хозяйство леспромхоза. Рядом с избой срубили барак для сезонных рабочих, амбар для складирования собранных в лесу орехов, сушки лекарственных трав, ягод, грибов. Но когда началась война, лесник и рабочие лесхоза ушли на фронт, и осталась в избушке только семья Никодима: жена его Ольга да пятеро ребятишек. Старшей, Валюшке, было 12 лет. Она помнила наказ отца помогать матери, пока он воюет с фашистами.

Мать, вскоре после ухода отца на фронт, устроилась работать на пекарню в селе за пять верст от лесхоза. Домой она приходила два раза в неделю, чтобы отнести детям паек да постирать одежонку.

Особенно трудно пришлось семье в первую военную зиму. Из-за переполюха и горя, обрушившегося на Никодима и Ольгу, не успели заготовить на зиму ни грибов, ни ягод, ни орехов. Благо сушняк лесник натаскал на несколько лет да картошки накопили десять мешков. Тем и перебивались. Очень выручал паек, который мать приносила с работы. Но все равно ребятишки всегда были голодными. В школу в эту зиму ни Валюшка, сени ее десятилетний брат Миша не поехали: не на кого было оставить ребят, корову, мерина и все остальное немудреное хозяйство. Мать сутками выматывалась на своей пекарне, а весь дом был на Валюшке и Мише.

Да, крепко запомнилась эта зима дочке лесника. В начале декабря пришла похоронка на отца. Мать почернела от горя, но предаваться ему было недосуг. Пятеро голодных ртов ждали ее помощи, и, пересилив себя, она снова пошла на пекарню.

Потянулись голодные зимние дни. Корова перестала доиться в январе, в начале марта ждали от нее телят. Картошка подходила к концу, и Валюшка все чаще стала посылать ребятишек «побегать по снежку»; авось, меньше есть будут просить. Но они возвращались с горки еще более голодными и, плача, просили хоть картошечки. Паек, который приносила мать, съедался за два дня, а потом снова начиналось: «Валюшка, ну хоть одну картошечку!». Девчонка ревела тайком, забывая о собственном голоде, не могла спокойно смотреть на худые, синюшные лица братишек и сестреночек. Но самое страшное случилось в один из февральских дней, под воскресенье. Должна была прийти мать. За два последних дня Валюшка дала ребятам всего по паре вареных картофелин. Больше ничего было. Но вот уже наступила полночь, а матери все нет. На улице разыгралась настоящая вьюга, да и мороз был сильный в этот день. «Ложитесь, маманя не придет сегодня, Видите, буря какой?» - уговаривала ребятишек старшая сестра. Но никто из них даже не собирался спать. Ждали мать, надеясь, что все-таки принесет им хлебушка.

В три часа ночи кто-то слабо постучал в замерзшее окно. Дети давно спали, сморенные голодом и усталостью. Валюшка опрометью бросилась в сени. Распахнув дверь, увидела у крыльца фигуру, всю облепленную снегом. Пospешно втащив ее в избу из последних своих сил, она бросилась разматывать платок, которым была повязана голова матери. Та обессилено сидела у порога и не могла даже говорить. И только тут девчонка поняла, что сегодня они могли остаться круглыми сиротами, и что каким-то чудом мать добралась до своей избы, до своих голодных детей. Валюшка громко запричитала, обнимая голову матери. Проснулись ребятишки и молча уставились на них.

- Подожди, доченька, - слабо прошептала мать, - помоги-ка раздеться. Я вам тут хлебушка принесла, мучки, пшеница. Премии давали.

Негнуцимся, отмороженными пальцами мать стала расстегивать полушубок, доставая из-за пазухи каравай черного, пополам с отрубями хлеба.

Давясь слезами, Валюшка резала эту горькую военную краюху, деля ее между братьями и сестрами, и думала, что самые счастливые на свете они, дети лесника Никодима, потому что их мать осталась сегодня жива.

С тех пор прошло уже много лет Валентина Никодимовна сама уже мать, но на всю жизнь запомнила ту горькую краюху хлеба, которую несла в буря пятерым своим голодным ребятишкам мать. И все-таки донесла. Переступила через ужас, стихию, горе, потому что непреодолима сила материнской любви.

Баллада о хлебе

Светлый зал современного вокзала. На скамье стайка молодежи расположилась поужинать. Смех, шутки. Вдруг девушка со смехом бросила в товарища кусок булки. Товарищ не остался в долгу. В игру включились остальные. Куски белого,

мягкого хлеба «летали по залу, падали на пол, их топтали в азарте игры, было шумно и весело.

Один ломоть хлеба упал к ногам старой женщины, что сидела напротив шумной молодежи. Она молча подняла его, бережно отерла рукой и, подойдя к молодым людям, также молча положила на газету, расстеленную на скамье. Молодежь притихла.

- Как же вы, ребята, хлеб ведь это! – Тихо сказала она и снова села на свою скамью.

Ребята, торопясь, собрали разбросанные куски хлеба и отнесли их в урну.

Через пятнадцать минут молодежь весело щебетала и смеялась. Они уже забыли о происшедшем.

А со скамьи напротив на них молча смотрела старая, усталая женщина. И было в ее глазах столько горечи, непонимания и обиды, что я, не выдержав, подошла к ней и села рядом.

- Мать, вы не думайте, что это они от злобы и небрежения. Они просто не знают цены хлебу. В довольстве, без нужды выросли.

- Я понимаю разумом, а душа не принимает этого. Где мы проглядели, не смогли научить их уважать труд отцов своих, ценить святая святых жизни нашей – хлеб? Надо было чаще рассказывать им о нашем хлебе, о том черном, горьком, пополам с лебедой, который был нам дороже золота.

Мне почему-то стало стыдно. Я даже почувствовала, что краснею. А из урны с мусором торчали куски белого, такого красивого хлеба!

Я встала, достала из сумки газету, прошла через весь зал к урне и начала вынимать из нее ломти хлеба и складывать на газету. Молодежь снова притихла. Они смотрели на меня с удивлением.

Я завернула хлеб в газету, подошла к ним и сказала: «Я хочу рассказать вам о своей матери». И я рассказала им о том, как моя мама в 1944, военном, голодном году чуть не замерзла, когда несла нам, пятерым своим голодным детям, полкаравая черного, сырого, тяжелого, как кирпич, хлеба, так мало похожего на хлеб.

Я помню, как она отмороженными, негнущимися пальцами расстегивала полушубок, доставая из-за пазухи драгоценную краюху и как я, давясь слезами, делила ее между сестрами и братьями.

Я не помню, почему я тогда плакала (дети в войну плакали редко), наверное, от радости, что мама осталась жива, и я ем этот страшный, лучший в мире хлеб.

С тех пор прошло много лет, но я помню этот хлеб и никогда не смогу бросить ломоть в урну с мусором.

Было тихо. Никто не проронил ни слова.

Вдруг девчонка, что первая бросила хлеб в товарища, вскочила, схватила кулек с хлебом, прижала его к груди.

- Простите, мы этого не знали. Мы ведь ничего этого не знаем!

Заплавав, она выбежала из зала. А мне стало как-то легко и было уже не стыдно.

Я поняла, что молодежь у нас не черствая и бездушная, не равнодушная, а просто мы редко рассказываем о том, о чем должны рассказывать часто: о цене хлеб. Говорить об огромном труде их отцов, которым ребята обязаны этим хлебом, таким привычным, белым и дешевым (24 копейки за буханку!), и такой дорогой.

Потому что выращен святыми руками хлеборобов, поливших его потом своим, отдавших ему свои бессонные ночи, свой труд и время, чтобы мы могли жить, не думая о том, что завтра хлеба не будет.

Хлеб вечен, как вечна жизнь, и беречь его надо как жизнь.

НЕ ПЛАЧЬТЕ, БЕРЕЗЫ

Лес

Я так давно не была в лесу, что начинаю забывать какой он, лес? Помню тишину, шорох желтых листьев под ногами и трепетный шепот осин. Еще помню костянку: много-много зеленых листьев, а среди них ярнокрасные ягоды как капельки крови. Я почему-то всегда в лесу боялась, что не успею на всю эту красоту наглядеться и надо будет уходить. И полные ведра костянки! Мелких, ярнокрасных ягод, кислых «аж Москву видать!»), как говорил дед Евсей, И еще дед Евсей. Хитрющий дед, который знал в лесу каждый кустик. «Вот примечай, девьки, где бугорок из пожухлых листьев – енто, значит, он, белый гриб, сидить!». Он так смачно произносил это слово «девьки», что мы и впрямь чувствовали себя взрослыми девками. Шла война, в лесу у нас было тихо, лес был в Сибири, далеко от войны. И рассказы деда Евсея про леших («лешак», говорил он), про лесных русалок-мавок завораживали, помогали забывать о войне, о постоянном чувстве голода. Я в детстве всегда хотела есть. Мы, дети, очень не доедали в войну. Летом дед Евсей нас подкармливал «лесом»: ягоды, грибы, рыба из лесных озер, кислица, «пучки». Господи, чего мы только не ели!

А зимой, долгой, холодной, было настолько голодно, что не могли ни о чем думать, кроме еды. Но наступала весна, и мы, босоногие и тощие, устремлялись в лес. Сначала березовый сок, потом кислица, потом сладкий корень папоротника («пучки»). Мы начинали оживать и замечать красоту нашего кормильца и спасителя, леса.

Прошла война, прошли трудные послевоенные годы, мы стали взрослыми. Но до сих пор я прихожу в лес, как на встречу с человеком, спасшим мне жизнь. Лес живой и щедрый. И если идти к нему с добром, всегда утешит, поможет от щедрот своих. И он красив. Все чудесные сказки рождались в лесу. Сказки и были...

На всю жизнь я сохраню благоговейное чувство к лесу, который спас меня, когда война отняла у меня детство.

Озеро

Над пологими берегами обмелевшего озера плыл утренний туман. Солнце еще не взошло, но вокруг гудели тракторы: шла подготовка полей к севу.

К старому степному озеру от трассы вела полевая дорога, по которой я сюда пришла. Вся степь вокруг была распахана, озеро обмелело, камыши засохли, рыба исчезла. Сидя на берегу этой жалкой лужи, я вспомнила свою первую встречу с красавцем-озером, тогда здесь еще не было гудящей моторами трассы, а степь

вокруг переливалась серебром ковыля. Мы, горластые парни и девчонки, прибыли сюда «поднимать целину». Все было незнакомо, ново и загадочно. И, в первую очередь, эти степные озера, как большие блестящие глаза на лице бескрайней степи.

Помню тихий вечер в степи на этом берегу. Мы сидели у вагончика и, поддавшись настроению, читали стихи. Вдруг с озера донесся глухой, ухающий стон. Все вздрогнули. Что это? Мы не знали, что и думать. Из вагончика вышел молодой парень-казах Карабай.

- Что, испугались? - засмеялся он, - это птица такая. Выпь называется. Хотите завтра покажу?

Разумеется, все хотели увидеть загадочную птицу. Но увидеть выпь нам удалось не скоро. Внешний вид ее нас разочаровал. Это была невзрачная, похожая на серую цаплю птица с уродливым клювом. И только голос ее, странный и загадочный, остался в памяти.

На этом озере летовали дикие гуси-казарки, утки-широконосы и шилохвость. Их здесь была уйма. Жили и черные лебеди. Люди к ним относились бережно, подкармливали. А сколько рыбы было в нем! Карась-красноперка, серый карась, карп, толстые сазаны, окунь, змееподобный угорь. Все это в избытке жарила и варила нам повариха Тоня Сапожникова, уроженка здешних мест.

Однажды Карабай пригнал из аула на противоположном берегу лодку-плоскодонку и небольшой челнок. После смены мы отправились в камыши. Первый раз я видела их: такие огромные, выше человеческого роста. Хорошо помню их тихий предупредительный шорок. Там виднелось много гнезд уток и гусей, но они были пусты. Утята и гусята уже плавали со своими родителями на плесах, наполняя все вокруг писком, криканьем и суетой. Тогда и выпь увидели. Птица стояла на болотной кочке и равнодушно косила на нас глазом, не повернув головы.

До самой ночи плавали мы в камышах, наблюдая, как устраиваются на ночь птицы, обеспокоено ныряют у самой кормы потревоженные ондатры.

Лотом нас перебросили в другое место. Там белели небольшие березовые колки и поблескивали маленькие озера. Но это, степное, я запомнила навсегда. Запомнила огромные камыши и странную жизнь в них, ночные шорохи, стоны выпи, плеск ондатр и неповторимый запах разнотравья.

... Я стараюсь сейчас вдохнуть его снова, но вместо этого в нос бьет запах бензина, мазута. На поверхности – жирные пятна. Недалеко от меня какой-то парень моет свои «Жигули». Грязная вода стекает в озеро. Оно мертво, неприветливо. Мне вдруг захотелось поскорее уйти отсюда, чтобы не видеть, что стало с ним.

К березовым колкам я уже не поехала, боясь увидеть там такую же картину «Как же так, неужели люди не ведают, что творят?» - думала я, и сердце сжималось от тревоги за нашу родную природу.

В лесу

Помню лес моего детства. Я приходила туда каждый день. Летом мы, дети военных лет, были предоставлены сами себе. Взрослым было не до нас, они работали от зари до зари: нужно было кормить фронт. А мы, полуголодные и

босоногие, целое лето рыскали по лесу в поисках пищи. Ели всё: корни папоротника, кислицу, костянку, черемшу, яйца лесных птиц. Но я не помню случая, чтобы кто-либо из нас поймал или убил хотя бы одного обитателя леса, без нужды. А ведь они тоже были съедобные. Но мы уже тогда понимали, что если лес щедро делится с нами своими богатствами, то мы должны щадить его жителей его самого.

По лесу я обычно ходила одна. Шумная детская ватага раздражала меня, мешала сосредоточиться, увидеть то, что хотелось. Лес жил своей особенной жизнью. Постепенно я научилась различать его обитателей по шорохам, по следам, по голосам. Особенно возмущали повадки лисиц. Я знала несколько лисьих нор и могла часами наблюдать их обитателей. Мне не нравились в жизни этих зверей их разобщенность, злобные отношения, хитрые повадки. В игре лисята могли погрызть друг друга и даже умертвить. Мать наказывала лисят тоже довольно безжалостно. Ничего этого я не наблюдала у других лесных обитателей. Даже в семействе волков было много добродушия, ласкового отношения родителей к детенышам и последних друг к другу.

Ни разу не видела у норы лиса. О детях заботилась только мать. Если он и приходил иногда, то близко к норе лисица его не подпускала. Как только лисята подрастали и могли уже сами о себе заботиться, мать просто покидала их и они, поскулив, разбредались кто-куда.

А вот у волков были совсем другие отношения. Волчат растили оба родителя. Долго взрослые волчата ходили в одной стае с ними и часто уже второй помет охранялся и воспитывался уже взрослыми братьями и сестрами. Волки жили стаями, а лисы – разобщено, в одиночку. Но встречались особи, живущие парами.

Интересно жили и зайцы. Зайчиха никогда не воспитывала своих зайчат. Их кормили все зайчихи, которых они встречали на своем пути. Но в стаи зайцы тоже собирались. Особенно, когда совершали набеги на посевы и огороды.

Как-то в течение трех лет пришлось наблюдать жизнь семьи лосей. За это время их стало пятеро и они все ходили вместе. Но вот старая лосиха куда-то исчезла. Может убили браконьеры или задрали волки.. Потом я потеряла их из виду.

Ни одна книга о природе не дала мне столько знаний о ней, как эти детские лесные эпопеи. Приходилось бывать и в зимнем лесу, но гораздо реже. Одежда у нас была ветхая, а морозы в Сибири хорошие. Но даже зимой жизнь в лесу продолжалась. Как по хорошей книге можно было по следам на снегу прочитать о жизни лесного братства.

Прошло много лет. Я и теперь часто бываю в лесу. Но тот лес, лес моего детства, был другим. Он был, как непрочитанная книга, страницы которой сулят много нового и интересного. В нем было больше зверья, птиц, муравьев, ягод и грибов. Удивляла его готовность к щедрости. Сейчас не то. Лес не ожжет быть щедрым, его просто обобрали. Зверей, птиц, муравьев уничтожили, ягоды исчезли, грибы и то уже не те. «В результате хозяйственной деятельности человека...» - этой сакраментальной фразой оправдывается все: варварское отношение к природе, появление Красной книги с ее леденящими душу, объяснениями, уничтожение озер, лесных полян, вековых деревьев. Сплошные пашни, с которых берут, берут, берут, ничего не давая взамен.

- Вандалы двадцатого века! – так сказал о своих современниках мой знакомый, старый орнитолог. Может это слишком зло, но верно. Как можно жить сегодняшним днем? Ведь после нас на земле останутся наши дети. Не станет ли память о нас проклятием? Не знаю как кому, а мне бывает страшно, хотя я за свою жизнь не убила ни одного животного, ни одной птицы, не срубила ни одного дерева.

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Евсейч

Матвея Евсейча все считали чудачком. Ну, какой нормальный охотник приносит с охоты подранков, да еще чужих, чтобы вылечить их и отпустить на волю?

- Тебе бы, Евсейч, фоторужье купить, а ты с берданкой ходишь! Все одно не стреляешь толком, - шутили охотники.

А Матвей Евсейч продолжал ходить на охоту, принося чужих подранков да ноги, как говаривала в сердцах Анна Власьевна, подруга жизни.

Однажды Евсейч приволок целое гнездо дикой утки-крякухи.

- Утку Васька Бурлак убил, - пояснил он жене, - вот, мать, пополнение рябой квочке, высидит, поди.

Рябуха и впрямь высидела диких утят. Вскоре по двору бойко бегали серо-зеленые, пушистые комочки и пронзительно пищали. Утята оказались очень жизнестойкими. Все выжили. Юрко шныряли между ожиревшими домашними утками, подолгу плескаясь в котлованчике на задворках. Осенью жена сказала Евсейчу:

- А твои-то дикие ничего, хороши. Пух в них добрый. На подушку внучке будет как раз.

- Да, ничего, добрые утки вышли, - ответил тот, усмехаясь в рыжие усы. - Только подушки из них у тебя не будет.

- Будет. В аккурат на подушку.

А через неделю после этого разговора Матвей Евсейч, услышав испуганный крик Анны Власьевны, выскочил на крыльцо. В сторону озера улетала стайка диких уток, на ходу перестраиваясь в косяк.

- Тяжело летят, - заметил он, - раскормила ты их, мать. Трудно им будет, пока жир-то лишний сбросят.

- Ах, будь они неладны! - кричала жена, - кормила, кормила, а они, наось, что выкинули, проклятые! Вот тебе и подушка внучке!

- Да я же говорил тебе, что не будет у тебя подушки. Свободные они зародились, свободные и помрут. Такая уж это птица. Одно слово – дичь! Это тебе не твои жирные утки. Знают только есть да под ногами мешаться. А ну кыш! - пнул он ногой толстого селезня, - ишь, разжирел как!

Потом Матвей Евсейч долго смотрел вслед улетающим птицам.

- Ну, счастливо вам, - пробормотал он и пошел завтракать.

Непобедимая сила

В осеннем лесу тихо. Когда-то здесь было много зверья, птиц, и старая лиса, которая жила в нем с самого рождения, помнит еще времена, когда за добычей не нужно было уходить далеко от логова. Теперь уже не то. Много километров приходится ей пробежать, чтобы добыть пищу своим лисятам.

Долгие годы живет она в хитро замаскированной норе под старым, трухлявым пнем в глубине березового колка. Нынче у нее два лисенка. Они уже большие и теперь часто рискуют убежать из норы довольно далеко, пока мать отсутствует.

Старая лиса давно заметила, что ее сородичи постепенно стали исчезать из ее родных колков. Даже, чтобы продолжить свой род, ей приходится уходить от логова очень далеко. Но она каждый раз упрямо возвращается в тот лес, где родилась. А нынче ей особенно трудно пришлось растить своих лисят. Не однажды в лесу появлялись люди с запахом пороха, который ей так хорошо был знаком. И только опыт и ловкость спасли ее семью от гибели.

Однажды, вернувшись с охоты, она нашла гнездо разоренным. Лисята исчезли. Кругом было много остропахнувших следов и снова запах пороха. Старая лиса долго обнюхивала пеня и следы, жалобно поскуливая. Потом решительно взяла след и, прижимаясь к земле, ринулась вперед.

Следы привели ее на опушку леса, где тлел покинутый костер, и в воздухе витал незнакомый запах. Вечерело, когда она подошла к небольшому поселку со стороны леса. Ветер дул от поселка. Сначала она растерялась, но, постояв немного, снова пошла по следам. Уже в темноте старая лиса появилась на одной из улиц. Прижимаясь к заборам, она добралась, наконец, до дома, у которого оборвались знакомые следы. Озираясь, лиса юркнула в щель под воротами.

В доме уже спали, когда хозяин-охотник услышал заполошные крики кур в сарае. Натянув полушубок, валенки и прихватив в сенях фонарь, он пошел в сарай. Клетка с лисятами стояла в углу. Около нее лежала огненно-рыжая лиса. Пасть у нее была в крови, она яростно грызла железные прутья клетки, а лисята скулили и метались внутри. Увидев человека гостя оскалила зубы и привстала, готовая к прыжку. Сердце старого охотника болезненно сжалось. Не раздумывая, он шагнул к клетке, взял ее в руки и вышел из сарая. Лиса молча следовала за ним.

По темной улице поселка шел охотник, неся клетку с лисятами. На расстоянии десятка шагов за ним следовала рыжая лиса. Дойдя до опушки колка, охотник поставил клетку на землю, открыл дверцу и выпустил пленников. Они тотчас же бросились к матери, стоявшей поодаль. Повозившись немного, лисы не спеша двинулись восвояси. Охотник стоял и молча смотрел в чащу, старая лиса оглянулась на человека, неподвижно стоявшего на фоне темного неба. Несколько секунд зверь и человек смотрели в глаза друг другу. Потом лиса рванулась за своими детьми и исчезла, как растаяла.

Утром охотник сказал дома, что лисята убежали ночью, сумев открыть клетку. Ему не хотелось даже близким людям рассказывать о том, что он испытал ночью,

столкнувшись с непобедимой силой материнской любви и не сумев ей противостоять.

Молчун

Эту историю рассказал мне старый лесник и охотник Лука Никодимович Соснин, друг моего отца. Она необычна и поучительна.

- Теперь такого не случится, вздыхал старик. – Зверье-то извели всё. Ни дружить, ни враждовать не с кем.

- А было это давно, на старой заимке, под Могочей, в забайкальской тайге. Жил я в ту пору там, занимал должность лесника. С войны вернулся без левой руки, а на такой работе можно было и без нее обойтись. Заимка состояла из большой рубленой избы, бани, четырех добротных сараев и просторного загона для скота, который зимой использовался под сени. Ближайшее село было в семидесяти верстах от нас, и бывали месяцы, особенно зимой, когда мы были отрезаны от мира полностью. Мне помогали справляться с нехитрыми обязанностями жена Варвара да сын Андрей, который после окончания школы учился заочно в лесоводческом техникуме, а здесь работал егерем. В армию его не взяли, так как еще в детстве он потерял глаз, наткнувшись на сук, да так и остался кривым. Старший сын, Кирилл, жил и работал во Владивостоке, а к нам навещался редко, поохотиться в тайге.

- Как-то заезжие охотники убили в буреломе волчицу, а волчат решили утопить в омуте. Крепко я с ними поскандальил тогда, прогнал из тайги. А спасти удалось одного волчонка, остальные захлебнулись. Принес я его домой мокрого, жалкого, худого. Он даже скулить не мог. Моя сердобольная Варвара выходила звереныша и через месяц она за ней бегал, как сосунок за маткой. Кличку он получил странную – Молчун, потому что никогда не лаял и даже почти не скулил. Смотрит своими хитрыми глазами и хвостом не ворохнет. К нам очень привязался, любил особенно сильно Андрея, всюду за ним ходил. А сторож был отличный и скотину пас. Угонял и пригонял вечером. Корова и телки все-таки слушались и боялись его. А вот мерин Серый не боялся. Только фыркал да лягнуть старался.

Прожил у нас Молчун эдак три года. И вдруг однажды зимой в феврале пропал. Утром звали, звали – не дозвались. Погоревали, да что делать?

Вскоре один мой друг подарил годовалую овчарку Альму. Отличная была собака. Обещал и пса ей под стать подыскать. В отличие от Молчуна Альма часто заливалась звонким лаем на поросенка, на петуха, на Серого – лишь бы побрехать.

- Вот пустобреха, - смеялась жена. Но собаку любила.

Как-то в начале следующей зимы ночью во дворе начался переполох. Альма, взобравшись на крышу сарая, отчаянно лаяла, захлеб. Мы выскочили едва одевшись. При лунном свете нам предстала довольно жуткая картина. Почти у самого крыльца сидел матерый волк, а поодаль, держась поближе к открытой калитке, стояли еще четверо: волчица и трое подростков-волчат.

- Ах, Господи, - ахнула Варвара, - Ведь это же Молчун! Молчун, Молчун! – позвала она и шагнула с крыльца. Волк встал на задние лапы, передние закинул на

плечи Варвары и стал лизать ей лицо. Кинулся к волку и Андрей. Они что-то приговаривали, гладили, ласкали блудного своего зверя, а волчица с волчатами по прежнему молча стояли у калитки.

- Что же нам теперь делать? – спросил Андрей. – Не принимать же в дом всю стаю. А один он не останется. Да замолчи ты! – прикрикнул он на Альму, которая предусмотрительно спрятавшись за стреху сарая, продолжала оттуда облаивать непрошенных гостей. – Молчун, идем в избу!

Волк оглянулся на свое семейство, еще раз лизнул руки Андрея и жалобно заскулил. Вавара разревелась. Тогда волк кинулся к ней и снова стал лизать лицо, руки, ласкаться и скулить.

- Ладно уж, - сказала она, - иди к своим. – И легонько толкнула зверя в широкий лоб. Молчун медленно повернулся и, часто оглядываясь, пошел к волчице с волчатами. Мы стояли у крыльца и молча смотрели, как они уходили все дальше от заимки по просеке. В конце ее волк повернулся мордой к нам и жутко завыл. К нему тот вчас же присоединились голоса его семьи. Мы зашли в избу и еще с полчаса слышали этот волчий концерт, пока не погасили свет.

Прошло три года. Альма принесла щенят, мы оставили себе одного, а ее вернули хозяину. Однажды в середине лета рано утром забеспокоился скот в загоне. Я вышел посмотреть в чем дело и увидел у крыльца лежащего на боку волка. Я не сразу узнал Молчуна: он был изможден, худ и жалок. Шерсть клочьями висела на нем, а одна из передних лап была раздроблена и изуродована. Она попытался подняться мне навстречу и не смог. Значит истратил последние силы, чтобы добраться до нас.

- Андрей! – позвал я сына. Тот выскочил на крыльцо и сразу же бросился к волку.

- Что с ним? – со страхом спросил он.

- Видно вырвался из облавы и угодил в капкан. Помирать приполз в родной дом, где вырос.

Но Молчун не умер. Мы снова выходили его, второй раз спасли от смерти. И он нам этого не забыл. Никогда уже никуда не уходил больше, чем на 2-3 дня зимой, в февральский волчий разгул. Но всегда возвращался. Правда, сына Альмы не признал и его пришлось отдать в село. Двенадцать лет прожил у нас на заимке Молчун после возвращения. Женился и уехал в село Андрей, постарели мы с Варварой, а волк верно служил нам до конца своих дней.

Необычный пациент

Всю жизнь Игнат Савельевич проработал литсотрудником районной газеты. Ему нравились его профессия, постоянные разъезды по району, встречи с людьми, полубивачная жизнь. Он привык ко всему этому и не собирался ничего менять в своей судьбе. «Я – репортер! – любил он повторять. – А репортеры народ безалаберный, но добрый!».

Слабостью Игната Савельевича была его болезненная любовь к животным. Жена у него давно умерла, и жил он в маленьком домике на краю поселка один, если не считать большого сиамского кота со странной кличкой «Механик». Он постоянно

лодбирал бездомных котят, щенят, птиц с подбитыми крыльями, выхаживал их, а потом «пристраивал» куда-либо.

По выходным хаживал Игнат Савельевич по ближайшим колкам с ружьем. Но стрелял редко. «Иду с природой поцеловаться», – шутил он. Возвращался обычно потемну. Однажды у своих ворот он увидел что-то большое, живое. Оно ворочалось и громко со стоном дышало. Включив фонарик, Игнат Савельевич обнаружил большого лося. Тот стоял, опираясь о столб ворот, согнув в колене переднюю ногу, и тяжело дышал. Старик подошел поближе.

Лось повернул к нему голову, сверкнув в темноте глазами и тихо протрубил. Еще ничего не понимая, но чувствуя что большой и сильный зверь нуждается в помощи, Игнат Савельевич поспешил открыть ворота и лось, прыгая на трех ногах, вошел во двор.

Взяв большой фонарь и без страха подойдя к необычному гостю, старый газетчик внимательно осмотрел его и обнаружил, что правая передняя нога сильно распухла в копыте. Не без опаски взял он в руки горячую ногу. Лось не сопротивлялся. Сверху над копытом торчала большая щепка. Нога чуть подрагивала в руках старого человека, но лось молчал. Тогда, не долго думая, Игнат Савельевич, резко рванув щепку, вытянул ее из раны. Лось вздрогнул всем телом и застонал. Из образовавшегося отверстия хлынул гной с сукровицей. Старик стал беспощадно давить на нарыв, стараясь удалить оттуда всю дрянь. Лось по-прежнему не сопротивлялся. Когда с этим было покончено, Игнат Савельевич пошел в дом, разогрел в электрочайнике кипяченую воду, развел в ней марганцовку и, вернувшись тщательно промыл рану. Затем он аккуратно замотал ногу чистой тряпкой, для верности натянув сверху свой старый картуз. Уже не опасаясь, потрепал лося по холке и пошел спать.

Утром оказалось, что лось никуда не ушел. Он спокойно спал посреди двора. Перед уходом на работу Игнат Савельевич нарвал побольше травы в палисаднике и сложил ее у морды животного.

Вечером, когда старый газетчик вернулся из командировки, он не думал, что застанет лося во дворе. Но к своему удивлению обнаружил, что тот никуда не ушел, а стоит у крыльца, притом на всех четырех ногах. Когда Игнат Савельевич вошел в калитку, лось двинулся ему навстречу, сильно хромя. Старик испугался: уж больно грозен был его необычный пациент. Но тот, подойдя, стал тереться мордой о его плечо. Ласково поглаживая лося, Игнат Савельевич осмотрел его ногу. Лось с готовностью подчинился. Развязав тряпку, старик обнаружил, что рана чистая и уже стала затягиваться. Приложив к ней мази Вишневского и снова замотав, накормил лося и ушел в дом.

Ночью он проснулся от того, что лось трубил громко и призывно. Соскочив во двор, поспешно отворил ворота и выпустил гостя. Слегка прихрамывая, тот направился к ближайшему колку.

...Месяца через три, зимой, Игнат Савельевич шел на лыжах по знакомому колку. Вдруг из ивняка навстречу ему неожиданно вышел огромный лось. Бежать было поздно, да и не смог бы он уйти от эдакой махины. Он остановился и стал ждать. Лось не спеша подходил к нему. Подойдя вплотную, фыркнул и положил свою огромную голову на плечо старому газетчику. И только тут Игнат Савельевич

понял, что это его летний пациент. «Узнал, чертушка, узнал!», - шептал старик, глядя по шее доверчиво прижавшегося к нему лося, не стесняясь своих слез.

Лось проводил его до первых домов поселка и, потрубив на прощание, вернулся в лес. С тех пор Игнат Савельевич несколько раз встречал своего лося и всегда тот радостно спешил к нему навстречу.

Он никому не рассказывал об этом. Боялся, что просмеют. И только недавно, когда автор этих строк навестил старика в день его 80-летия, поведал эту историю, необычную и почти неправдоподобную.

Ральф

Как-то заезжие браконьеры разорили в лесной чаще волчье логово. Волчицу и волка убили, а волчат утопили в лесном озерке. Но одному удалось выбраться на берег. Там и нашел его старый лесник Илья Ефимович. Он принес малыша домой, выходил и оставил вместо собаки. Соседям же сказал, что это овчарка.

У него на подворье жила годовалая собака Дайна, из породы немецких овчарок. Когда волчонок вырос, она принесла от него четырех щенят. Трех Ефимыч раздал знакомым, а одного кобелька оставил себе. Волк же зимой исчез. Видно, ушел в лес, в февральский волчий загул. А его потомок вырос большим, красивым псом. Дайну забрал племянник Ефимыча, а потомок волка остался хозяином во дворе. Внук лесника Никита дал ему кличку Ральф, которая очень подходила ему.

В доме Ильи Ефимыча каждое лето гостили внуки. Родители, уезжая в отпуск, оставляли своих детей у дедушки с бабушкой. Супруга Ефимыча, чадолюбивая и добрая Дарья Тихоновна, была всегда рада ребятишкам. Отпаивала их парным молоком, стряпала вкусную сдобу, пускала в ягодники пасться. А дед ходил с внуками на рыбалку, на речку Шуйку, за грибами и ягодами в лес. Ребятишки часто бегали на Шуйку купаться и бабушка Дарья очень боялась, что заплывут далеко. Как бы ненароком не утонули. Она всегда отпускала с ними Ральфа. А тот зорко смотрел за ребятишками. И, как только кто-нибудь, по его разумению, заплывал далеко, бросался в воду и упрямо тащил неслуха за трусы к берегу.

Илья Ефимович как-то рассказывал, что однажды Ральф перестарался. На берегу сидела компания: видно, что-то отмечали. Были и пьяненькие. Один из них полез купаться и в шутку стал кричать жене: "Маня, прощай! Утоплюсь". И нырнул. Ральф смотреть равнодушно на эту самодеятельность не мог. Он прыгнул в воду, схватил вынырнувшего мужика за трусы и потащил из воды. На берег "утопающий" выпопз уже без трусов, а пес, держа их в зубах, прошествовал к компании, положил свой трофей на песок, отряхнулся и вернулся к ребятишкам. Враз протрезвевший мужик второпях оделся и под громкий хохот собутыльников помчался прочь.

Ральф вообще любил всех выручать. В доме у Ефимыча жила кошка Буська. Всем была хороша: азартно воевала с мышами и крысами, гоняла чужих котов, охотившихся за цыплятами, была ласкова и красива. Но среди таких достоинств имела один недостаток: очень любила сыр. Если Дарья Тихоновна вовремя не спрячет этот лакомый продукт, Буська обязательно стащит и съест тут же, у стола. За эти "художества" ей сильно доставалось от хозяйки. Как только та бралась за

прут, Буська в три прыжка оказывался в будке Ральфа. А тот сидит у входа и умильно смотрит на Дарью Тихоновну. Бывало, по два дня жила Буська в будке у пса и ела с ним из одной чашки. У хозяйки характер был отходчивый – прощала. Но однажды из-за Ральфа в доме случился переполох. Двухлетняя внучка Ефимыча Леночка подошла к будке и, взобравшись к лежащему псу на спину, начала его трепать ручонками за уши, раскрывать пасть. Вышедшая на крыльцо бабушка обмерла от страха. Силы у нее едва хватило, чтобы крикнуть:

- Ефимыч, беда! – Ноги подкосились и она упала на крыльцо. Ральф бесцеремонно сбросил заревевшую Леночку и кинулся на помощь хозяйке. Выбежавший лесник поднял жену и понес в дом, а Ральф вернулся к плачущей девочке и стал ее успокаивать: лизать лицо и руки, скулить и суетиться вокруг. Ефимыч застал уже пса и Леночку весело барахтающимися на земле. Он лизал девочке лицо, а та целовала его в нос.

После этого Дарья Тихоновна окончательно уверилась в том, что Ральфу можно доверять во всем.

Но он мог быть и беспощадным, если дело касалось обиды или ущерба для хозяев. В этом Ефимыч убедился, когда живущий напротив их сосед, бездельник и пьяница Мирон, в отсутствие хозяев попытался стянуть давно притянувшийся ему новый хороший топор. Он перелез через забор, взял торчащий в колоде у сарая инструмент и пошел восвояси. Выскочивший из будки Ральф, который свободно передвигался по протянутой через двор проволоке, прыгнул на вороватого соседа, повалил его прямо в лужу, что осталась от дождя, и не дав ему даже шевельнуться, продержал так до прихода хозяев. Вошедшие во двор Илья Ефимыч и Дарья Тихоновна выудили опростоволосившегося воришку из лужи, грязного и испуганного, и долго смеялись над нелепым приключением соседа. А пес с видом исполненного долга пошел к своей будке. Мирон еще долго не смел показываться на глаза соседям, которые при виде его начинали смеяться.

Ральф прожил у Ефимыча двадцать лет. Погиб он, защищая хозяйское добро. Его застрелили из обрезка грабители, забравшиеся в дом лесника, когда они с женой встречали новогодний праздник у сына, на соседней улице. Бандитов поймали, но любимца всей семьи, преданного друга Ральфа не стало. Горевали и дети, и внуки Ефимыча. Долго не было у него собаки. Так и стояла пустой будка любимого пса несколько лет.

Хромой

В тяжелые, послевоенные годы, когда каждый кусок еды был на учете, нашей большой семье приходилось туго. Мы жили тогда на краю небольшой старинной деревни, которая раскинулась по берегам двух озер. Родители – целые дни на работе, а мы, ребяташки, были предоставлены сами себе. Но эта ранняя самостоятельность приучила нас ко многому: мы не ведали страха, умели не только обслужить себя, но и управиться с хозяйством, навести в избушке порядок, приготовить скудный обед. Хозяйство у нас было небольшое: корова, теленок, штук пять овец, да отец выпросил в колхозе забракованного старого, почти слепого мерина Сысойку.

Зимой отец и мать приходили с работы поздно, когда ребятишки уже спали, а мы с сестрой, старшие, ждали их, подогревая в печурке скромный ужин. Однажды в середине зимы, в феврале, они задержались на ферме допоздна. Уже глубокой ночью, когда мы с сестрой дремали на печи, в стойке, которая примыкала к сеним, поднялся страшный переполох: кудахтали куры, блеяли овцы, даже спокойная наша корова Белобровка мычала и металась в стойле.

Мы, накинув фуфайки, выскочили в сенцы. Дверь в стойку была приоткрыта, и, не задумываясь, мы с сестрой метнулись туда. То, что увидели, заставило нас оцепенеть от страха посреди сарая сидел громадный волчище. Сестра, вскрикнула и уронила фонарь. В наступившей тьме стало вдруг тихо. Волк не двигался – я это чувствовала. Потихоньку, присев на корточки, я нашарила фонарь и, осторожно чиркнув спичкой, зажгла его. Зверь, действительно, оставался на месте. Он сидел, оскалив зубы, а у его лап лежала моя любимая овца Катька с перерезанным горлом. Я отдала фонарь оторопевшей сестре и, схватив в углу вилы, метнулась к волку. Он не ожидал нападения и ничего не предпринял для защиты. Почти не глядя, я ткнула его вилами. Зверь взвыл и кинулся в угол стойки. Только тогда я увидела в соломенной крыше огромную дыру. Через нее он и выскочил наружу. Плача, мы с сестрой заделали дыру соломой и долго не решались притронуться к Катьке.

Когда родители пришли с фермы, мы все еще ревели над мертвой овцой. Кое-как им удалось добиться от нас вразумительного объяснения того, что здесь произошло. Когда отец узнал, что я вилами ткнула волка, он не на шутку испугался: «Ты с ума сошла! Ведь он мог тебе одним махом перекусить горло, как Катьке! Просто чудо, что не сделал этого».

С тех пор они уже никогда вместе поздно не задерживались. А в деревне по стойкам продолжал шарить волк. То зарежет овцу, то теленка. Но всегда уходил безнаказанно. Заметили, что волк был хромой. Но это не мешало ему ловко избегать расплаты за свое злодейство.

Мужикам надоели его «художества» и они решили выследить Хромого. Облаву устраивали несколько раз, но не могли его застать врасплох: очень уж был хитер. Наконец, поймали на приманку. Привязали у крайней избы за сеновалом ягненка и стали ждать. Долго сидели в засаде, а пришел Хромой совсем не оттуда, откуда ждали. Он появился во дворе неожиданно, бросился на ягненка сразу же. Тут-то его и накрыл тулупом дед Евсей, старый охотник-волчатник. Зверь был силен. Пятеро мужиков едва осилили, связав ему лапы и пасть.

Утром, когда мы узнали, что Хромого поймали живьем, и он лежит связанный во дворе у охотника Евсея, все побежали смотреть. Одна задняя лапа у него была меньше другой и прижата к брюху. Значит, это я его тогда вилами проткнула. Он затравлено смотрел на окружавших его ребятишек и женщин. Постепенно все разошлись, и волк остался лежать один у сарая. С полдороги я вернулась во двор Евсея. Я не могла уйти так. Я должна была его освободить. Так еще никто на меня не смотрел, как этот беспомощный, злой, сильный зверь. Взяв в сарае литовку без ручки, я смело подошла к волку и поспешно стала как попало кромсать сыромятные ремни, которыми были связаны лапы и пасть. Еще не все успела разрезать, как он вскочил и метнулся к плетню. Но прежде, чем перескочить через него, он оглянулся на меня. Миг – и он исчез за плетнем.

«Что ты наделала, - слышался у меня за спиной голос деда Евсея. – Он же и у вас овцу зарезал, столько убытку людям принес! Дура-девчонка! Вот я отцу-то скажу!».

Дед долго еще кричал и бегал по двору, но я уже не слышала, шла домой с легкой душой, сознанием сделанного доброго дела.

Когда я рассказала отцу, он не бранил меня. Он только сказал: «Доброта тоже оружие, дочка, и посильней, чем ружье. Раз душа попросила, отпустить его, правильно сделала. Только всегда живи с таким сердцем. Это тоже большой дар, береги его».

Я запомнила слова отца и удар вилами был единственным в моей жизни, который я обрушила на голову зверя.

А Хромой никогда больше не появлялся в нашей деревне.

Динка

Динка была дворнягой. Лохматая, с узкой мордой, она напоминала лису. Хитра была необыкновенно. Я нашла ее в лопухах, когда ей едва ли исполнился месяц. Выросла она незаметно. И так ко мне привязалась, что даже в школу провожала. Когда у Динки были щенки, она становилась злой, раздражительной со всеми. И только со мной оставалась по-прежнему ласкова и покорна.

Любила она меня очень. Я ей отвечала тем же. И сколько мама ни ругала меня за это, я все равно целовала Динку в черный влажный нос. Прожила она у нас шесть лет.

Мы жили в Сибири. Время было тяжелое, послевоенное. У нас была большая семья, а я – самая старшая. Мне было 12 лет, и отец почти всегда брал меня с собой в лес за дровами и на охоту. Стреляла я не хуже любого парня, ставила петли на зайцев, умела запрягать и распрягать лошадь, хорошо ходила на лыжах.

Как-то в феврале мы с отцом поехали в лес за дровами. Патроны тогда очень трудно было достать, поэтому ружье у нас было с одним зарядом (на всякий случай).

Динка, как всегда, увязалась за мной. Выехали после обеда, рассчитывая вернуться к вечеру. У нас был мерин Громобой, довольно резвый, хорошо ухоженный: отец любил лошадей. Задержались в лесу до темноты. Возвращались ближней лесной дорогой, торопились, и отец все время погонял лошадь.

Динка сидела рядом со мной в санях и дремала, уткнувшись в мои рукавички. Вдруг Громобой рванул сани и понес.

- Беда, - сказал отец, - волки!

Я огляделась. По обеим сторонам дороги горели огоньки. Это светились волчьи глаза. Волков, казалось, так много, будто лес ими заполнен.

- Больше десятка будет! - сказал отец. - Боюсь, дочка, не уйти нам от них.

Он начал выбрасывать из саней дрова. Затем выбросил все, даже мой тулуп. Тогда я схватила ружье и наобум грохнула по темной массе, что неслась за санями. Слышался визг, и волки отстали.

- Попала! - закричала я и чмокнула Динку в холодный нос. Но волки снова стали догонять нас. Стрелять было нечем. Я прижала к себе Динку. Громобой уже хрипел,

выбиваясь из сил, а до опушки было еще добрых два километра. Волки догоняли сани. Вдруг Динка рванулась из моих рук.

- Динка! - крикнула я и схватила ее за уши. Она посмотрела на меня своими преданными, влажными глазами, лизнула в щеку и снова, еще сильнее, рванулась от меня.

Не успела я схватить ее, как она с громким лаем бросилась навстречу волчьей стае, которая уже метрах в пяти неслась за санями.

Волки моментально отстали. Вой, визг заглушили Динкин лай.

Я рванулась из саней, отец схватил меня за плечи и силой уложил рядом с собой.

- Динка, Динка, родненькая, вернись, Диночка, - кричала и плакала я. Отец гладил меня по голове и говорил: «Ничего, ничего. Она спасла нас, твоя Динка. Не плачь».

Громобой уже вынес сани на опушку леса. Волки больше не догоняли нас.

Когда мы с отцом зашли в дом, мама вскрикнула:

- Что с вами?

Отец был белый, как стена, а я стояла деревянной куклой у порога не раздеваясь.

- Волки! - только и сказал отец. Мама выбежала во двор. Я пошла за ней. Она распрягла Громобоя, вытерла его мокрые бока соломой. Здесь, плача, я рассказала ей все.

И моя суровая мама, которая никогда не плакала, опустилась на сани и заревела в голос. Может, она плакала от страха за нас, может, от жалости к Динке, не знаю, но я ей была так благодарна за эти слезы!

Я очень тяжело переживала гибель Динки. Мне снились по ночам ее преданные глаза, ее черный нос. Это было мое первое большое горе.

Я уже давно взрослая, и собак у меня было много. Но Динку я не забуду никогда. И сейчас, если кто-нибудь при мне бьет собаку, я не могу удержаться и не отобрать ее у обидчика. Мне кажется, что это бьют Динку. Бьют за то, что она бросилась на волков, чтобы спасти жизнь своей хозяйке.

Последний выстрел

Сколько охотничьих троп исходил Матвей Евсеич за свою долгую жизнь! А сколько приключений и неожиданных встреч было у него на этих нехоженных до него тропах! Бывало, жена его Анна Власьевна шутит:

- Тебе бы, Евсеич, спидометр поставить кой-куда. Вот накрутил бы! Поди, поболе Тимки-шофера, что по два раза в день на своем драндулете в район мотается.

- Ништо, - усмехается тот в усы, - куда Тимке до меня. Да и дохлик он, даже на машине меня не обскачет.

Работал Матвей Евсеич всю жизнь лесником. Даже, когда возраст вышел, продолжал лесничить.

- Забыл мой дед на пенсию-то выйти, - говаривала острая на язык Анна Власьевна. - Как есть начисто запомнил, что шестьдесят восьмой годок уже доходит. Хоть бы начальство его головку просветило, глядишь, вспомнит.

На отдых старый лесник определился на 71-м году жизни. Но был еще свеж, бодр, много ходил, не чувствовал старости.

Однажды нашел Матвей Евсеич в лесу тощего, полуживого медвежонка Мать, видимо, убили браконьеры, а он спрятался в густом ельнике. Евсеич принес звереныша домой и выходял.

Через год тот был уже большим ручным зверем, а еще через два и вовсе стал могучим. Домашняя скотина привыкла к нему, да и добродушный он был, ласковый. Летом часто уходил кормиться в лес, а зимой спал в специально сделанной берлоге за амбаром.

Как-то на зимние каникулы приехал к Матвею Евсеичу племянник, сын его сестры, которая жила в соседнем городе. Парень учился в техникуме и увлекался охотой. В первый же вечер он узнал, что в уютной берлоге за амбаром спит ручной медведь, и стал просить дядю разбудить зверя, чтобы посмотреть, что из этого получится.

-Что ты, Андрейка, никак нельзя, - запротестовал старый лесник, - ведь страшнее нет медведя-шатуна, которому помешали зимой спать. И не вздумай!

Но Андрей решил, видно, по-своему. Примерно через неделю после приезда он рано утром выскочил из избы, взял давно приготовленный в сарае шест и побежал за амбар. Из большой, внакат, снежной кучи шел едва заметный парок. Андрей сунул в нее шест и начал им ворочать, стараясь попасть во все углы берлоги. Сначала послышалось фыркание, затем недовольное урчание, и вдруг сильный рев потряс двор и все вокруг. В хлеву заревела корова, заблеяли овцы. Волкодав Доська залился звонким лаем.

Прихватив ружье, из избы выскочил Евсеич, без шапки, в одном полушубке наголо. Страшная картина предстала перед старым охотником. Из-за амбара выбежал Андрей, все еще с шестом в руках, а за ним на задних лапах шел медведь и ревел. Один глаз у него вытек и он все время махал лапой у пустой глазницы. Видно, парень выколол глаз, когда шарил шестом в берлоге. Зверь шел прямо на Евсеича.

Андрей спрятался за спину дяди и все еще держал шест в руках. Старик попытался избежать схватки и осторожно двинулся к крыльцу. Тогда медведь побежал. Он был страшен и готов на все. Охотнику ничего не оставалось, как нажать на курок. Зверь, как подкошенный, упал к его ногам.

-Сейчас же уезжай отсюда! - тихо сказал Матвей Евсеич племяннику, - и чтобы мои глаза тебя больше не видели!

Андрей молча ушел в избу, а через час укатил с Тимкой в район.

Медведя старик оттащил в берлогу, а весной похоронил, даже не ободрав шкуру.

- Ах ты ирод, - долго сокрушалась Анна Власьевна в адрес племянника, - такого зверя загубил!

С тех пор Евсеич ходил в лес только с лукошком или корзиной и никогда больше не брал в руки ружья.

Межзвериный вольер

Противно скрипнув тормозами, автомобиль резко остановился у обочины грейдера.

- В чем дело? - недовольно спросил пассажир.

- Заяц, - бросил в ответ шофер и выскочил из машины. Через минуту он снова сел за руль. В руках у него был большой серый русак. Задние ноги зверька беспомощно висели, чем-то перебитые.

- Домой возьму. Может, вылечу, - сказал он, устраивая зайца на полу у сиденья.

Васю Коробова, шофера таксопарка небольшого областного города, все считали чудачком. Вечно у него дом был заселен разными зверюшками, которых он лечил, кормил, куда-то пристраивал. Посмеивались, но уважали за доброту, готовность поделиться запчастью, куревом, а порой и последним бутербродом.

Заяц-русак, которого Вася подобрал на дороге, оказался крупной зайчихой, да к тому же ожидающей потомство, хотя в это время года редко рождаются зайчата. Ноги Вася ей залечил. Они, правда, остались кривыми, но прыгала их обладательница отменно.

В свое время у нее родилось четыре маленьких зайчонка и в, клетке, по мере их роста, становилось тесно. Тогда Вася сделал вольер и посадил в него двух кроликов и ежа. Сначала зверьки не ладили, но потом привыкли друг к другу и зажили довольно мирно.

Однажды, когда хозяин принес им корм, он обнаружил в вольере своего сиамского кота Матвея, который мирно спал вместе с зайчатами. «Странно, подумал он, - зачем кот забрел туда и почему кролики и зайцы его не боятся?». Все разъяснилось вскоре. Оказывается, в вольер повадились крысы, и Матвей успешно с ними воевал, за что и снискал уважение всего населения вольера. Еж явно не справлялся со своей задачей крысиного врага, и активная помощь Матвея оказалась как нельзя кстати.

Уверовав в мирное сосуществование зверей, Вася вскоре посадил к ним пушистого щенка, найденного на улице, толстого бурундука и маленького енотика, подаренных ему на день рождения. Сначала зверьки фыркали, разбегались по углам, но вскоре привыкли и мирно разгуливали по вольеру, не только не трогая друг друга, но иногда затевая веселую возню, игры. В такие моменты визг, писк, шипение, лай – все сливалось в странную какофонию. Только Вася мог знать точно, что в вольере не драка, а просто игра.

Все лето прожили зверюшки вместе, а к осени стал вопрос: куда их деть на зиму. Решено было сдать в живой уголок городского парка.

А за день до того, как их должны были перевезти туда, случилось происшествие, о котором потом писала местная газета.

Ночью Вася и его семья проснулись от страшного гвалта в вольере. Дом Коробовых стоял на окраине пригорода, сразу за трассой начинался лес. И вот из него-то и пришла непрошенная гостья, лиса, привлеченная, очевидно, соблазнительным запахом зверьков. Но хищница не ожидала такого приема, проникнув в вольер через подрытую дыру у задней стены. Все обитатели его дружно набросились на непрошенную гостью и пока Вася, его жена, Лида, и отец, Семен Семенович, зажгли фонарь и открыли дверцу, нее было кончено. Лиса лежала мертвая, а все население вольера на разные голоса провозглашало победу, прыгая, кружась и бегая от возбуждения. Вася с Семеном Семеновичем убрали мертвую лису и едва успокоили зверей.

Назавтра было решено перенести в парковое помещение этот вольер со всеми его обитателями, кроме кота Матвея, «Они будут скучать друг без друга, не смогут уже жить врозь», - уверял Вася Служителей живого уголка. Так и сделали.

А через две недели в вольер пришлось принести и Матвея, который перестал есть, бегал вокруг дома и дико орал, разыскивая своих друзей. Среди зверья он сразу успокоился и стал жадно лакать молоко вместе с ежами. А енот и бурундук стояли рядом и довольно урчали.

Население вольера то увеличивалось, то уменьшалось, но старожилы в нем еще очень долго жили все вместе, а Вася теперь приносил сюда спасенных зверят. Гостей города водили смотреть на дружных обитателей знаменитого вольера, рассказывали историю его создания, а звери жили в нем, не подозревая о своей знаменитости. Им просто хорошо было вместе.

Сохатый

Под старой березой стоял лосенок, покачиваясь на не твердых еще ногах, и смотрел на нас темными, как большие бусины, глазами. Рядом лежала мертвая лосиха. Шея ее была затянута петлей из толстой проволоки.

- Браконьеров работа! - сказал брат. - Что делать будем?

- Надо его домой забрать. Пропадет он здесь. Новорожденный ведь, - решила я.

Поставили мы свои корзины с грибами возле старой березы и принялись делать носилки из прутьев и жердочек. Унести лосенка было делом нелегким. Мы были еще малы для такой ноши: мне 13 лет, брату - 11. Тем не менее, решение спасти малыша было твердым.

Когда носилки были готовы, уложили на них фыркающего лосенка и понесли. Рассказывать, как мы проделали этот почти героический для нас путь, я не стану, скажу только, что несли лосенка почти 10 километров и пришли домой уже под утро. От мамы нам, конечно, влетело. Но когда отец узнал в чем дело, то сказал:

- Молодцы! Хорошо сделали. Пусть живет.

Лосенок поселился у нас. Он ходил по двору вместе с бычком Буяном, пил с ним молоко, жевал капустные листья и рос.

Наступила осень, затем зима. Отцу пришлось докупать сена: у лосенка оказался хороший аппетит.

Весной по двору ходил голенастый некрасивый лось-подросток. Мы назвали его Спирькой. Все лето Спирька пасся с Буяном за огородами, в леске у озера, а вечером мы учили его «разным разностям», как говорил брат.

Лосенок уже перешагивал через ограду, бегал по кругу, мотал головой, изображая приветствие. Был он удивительно добродушен. Брал в мягкие большие губы наши руки, ложил нам на плечи свою тяжелую голову, терся мордой о спину брата.

К зиме он стал настолько большим, что отец сделал ему во дворе ограду, так как в сарае он занимал слишком много места.

В эту зиму нам с ним пришлось трудно. Он вдруг стал трубить по ночам, да так громко, что соседи жаловались. Приходилось выходить и успокаивать его.

Весной отец объявил нам, что держать в хозяйстве взрослого лося нельзя и со Спирькой придется расстаться.

Отца вызвали в сельсовет и предложили отпустить лося на волю. Легко сказать: отпустить! Вся беда была в том, что Спирька не хотел от нас уходить. После долгих слез и споров решено было увести Спирьку на то место, где мы его нашли два года назад.

Утром отец, я и брат повели лося в лес. Всю дорогу Спирька шел спокойно, иногда забегал вперед, натягивая веревку, которую отец накинул ему на шею. Когда вошли в лес, лось забеспокоился. Он стал останавливаться, мотать головой и фыркать.

Отец снял веревку и отпустил его. Лось долго стоял, вытянув шею. Потом медленно двинулся в глубину леса. Мы смотрели ему вслед. Он ни разу не оглянулся.

- Ну, вот и все! - сказал отец. - Наш Спирька дома. Пошли и мы домой!

Обратно мы шли подавленные Спирькиной неблагодарностью.

- Даже не оглянулся! - сказал брат. - А ведь мы его спасли!

Отец утешал нас, говорил, что так и должно быть, ведь лось - дикое животное, а лес - его дом.

- Он вас будет помнить. Но я боюсь, как бы его доверчивость к людям не обернулась для него бедой, - говорил отец.

Прошло лето. Мы долго скучали по Спирьке. Осенью в школе было много интересных дел и как-то самой собой получилось, что разговоры о Спирьке отошли на второй план.

Зимой, под Новый год, мы проснулись от шума: под окнами трубил лось. Быстро одевшись, мы выскочили на улицу. Возле дома стоял Спирька.

- Что, Спирька, голод - не тетка? - засмеялся отец.

Мы впустили лося во двор, дали ему сена. Он был таким же ручным и ласковым, долго терся о спину отца, фыркал, когда я трепала его за уши. Повозившись с лосем, мы пошли спать. Утром - во дворе Спирьки не оказалось. Он перепрыгнул через ограду и ушел.

- Это он поесть приходил, - с обидой сказал брат.

Спирька в ту зиму приходил еще дважды. Один раз днем. Вот тогда-то мы и повязали ему на шею мою атласную алую ленточку. Летом лось ни разу не пришел.

На следующую зиму Спирька тоже ни разу не появился. Мы решили, что он подался в другие края. Постепенно про лося стали забывать в нашей семье, тем более, что в ту зиму у нас воспитывался волчонок, очень умный зверь.

Весной мы с отцом пошли в лес за березовым соком. Был чудесный солнечный день. На опушке леса я нашла подснежник. Березы стояли белые-белые, притихшие, готовые наряжаться в свое любимое зеленое платье. Хотелось зажмуриться, запеть! Но я была уже взрослая и неудобно было, как прежде, прыгать и кричать. Я степенно подставляла баночки под зарубки на старых березах, аккуратно сделанные отцом.

Вдруг тишину весеннего леса разорвал выстрел. Стреляли недалеко.

- Опять браконьеры разоряются, - сказал отец. - Ты побудь здесь, а я пойду по смотрю.

- Нет, с тобой! - и я побежала за отцом.

Идти нам пришлось недолго. Вскоре послышался людской говор и показался дымок костра. Мы вышли на поляну.

Посреди ее горел костер, возле которого возились двое мужчин и негромко переговаривались. Мы подошли. Мужчины собирались свежевать убитого лося.

- Что же вы делаете? Ведь охота на сохатого запрещена! - возмутился отец.

- Ладно, проходи, мужик, не твое дело.

Пока мужчины спорили, я подошла к лосю. Он был большим и красивым. Глаза его уже остекленели и, казалось, он удивленно смотрит в небо. Вдруг у меня сжалось сердце: на шее лося я увидела выцветшую алую ленточку.

- Папа, - закричала я, - это Спирька!

Они все замолчали и удивленно уставились на меня. И было чему удивляться: взрослая девчонка ревет, обнимая шею убитого лося и целует его мертвые глаза.

- Спирька, бедненький, что они с тобой сделали! - Вы – звери! - орала я и топала ногами. Я готова была вцепиться им в волосы, выцарапать глаза!

- Да он сам к нам вышел. Идет прямо на нас и фыркает. Ну, я и ... - мужчина почесал в затылке и добавил: - Ненормальный какой-то лось. Я стреляю, а он кивает головой!

Господи, это он их приветствовал! Приветствовал людей, ведь люди однажды спасли ему жизнь. Разве он знал, что люди бывают разные. Однажды, поверив в их доброту людей, он не мог знать, что поплатится жизнью за эту веру. Отец оказался прав, когда говорил: доверие к людям может обернуться бедой для нашего Спирьки.

Я сняла выцветшую ветхую ленточку с шеи Спирьки, поцеловала его в мертвый глаз и мы ушли с поляны.

Дома отец написал заявление в сельсовет о том, что случилось в лесу. А через месяц судили двух браконьеров из соседнего села за убийство лося.

Алая, ветхая ленточка долго хранилась у меня, как память о сохатом, который так верил людям.

Пан Лешек

В далекие годы моего сурового детства в наших краях жили люди, насильно вырванные из привычной среды, увезенные от мест, где родились и росли. Это были спецпереселенцы, высланные «враги народа». Среди них украинцы, русские, немцы, поляки, чеченцы, евреи. Целый интернационал!

Случилось так, что я подружилась с девушкой-полькой. Ей было семнадцать лет и ехала она сюда с мамой, которая в дороге умерла. И осталась бедная Барбара Лещинская одна-одинешенька. Моя сердобольная мама сразу взялась устраивать судьбу девушки. Уговорила соседку, бабушку Настю, взять ее на квартиру. Бая Лещинская была горожанкой, в деревенской жизни ничего не смыслила и ей пришлось бы очень туго, не возьми я ее под свою опеку. Мы подружились. Я стала учить ее русскому языку и домашней работе.

Однажды, придя к ней в выходной день, застала Басю в слезах:

- Что с тобой? - спросила с тревогой.

- Сегодня у меня день рождения, а для меня некому сказать доброго слова? - плача прошептала Бася.

Мне стало так ее жалко, что сама чуть не расплакалась. В те тяжелые времена о подарках в дни рождения никто и не мечтал. Но я решила сделать Басе подарок. У другой нашей соседки тети, Вали Хлебниковой, жила красивая сибирская кошка и у нее как раз в это время были котята. Я попросила одного и тетя Валя выбрала мне самого большого и прыткого. Дома я сказала маме для чего взяла этого пушистика и она прибавила к подарку маленькую корзиночку яиц. Довольная, я побежала к Басе. Как мало надо было в те времена для радости! Мы обе были счастливы целый день. Котику Бася дала немного странное имя: пан Лешек. Маленький зверек, сама того не понимая, сделал доброе дело. Бася стала улыбаться. А иногда мы слышали на подворье бабушки Насти ее веселый смех.

Зимой нам редко удавалось провести вместе целый день. Я ходила в школу, Бася – на работу. Зато летом мы были неразлучны. На работу ходили вместе, отдыхали – тоже. Вдвоем управлялись дома.

Пан Лешек вырос в огромного пушистого кота дымчатого окраса. Был он немного избалован, но умен и знал меру в шалостях. Охотником оказался непревзойденным. Ни у нас, ни у соседей не было крыс и мышей впомяне. Но, беспощадно уничтожая этих грызунов, он не ел своей добычи. Вот уж поистине пан аристократ! Он выделялся среди других котов и кошек тем, что не боялся собак совершенно. Смело бросался в атаку, вцеплялся в собачью морду и с диким ором драл незадачливую шавку так, что та удирала от злюки без оглядки.

О проделках пана Лешека в деревне ходили легенды. Не все они были правдой, но многие истине соответствовали. Например, о том, как храбрый кот заступился за Басю, когда ее хотел побить комендант, приехавший отмечать высланных. Бася была очень красивой девушкой и старый ловелас решил за ней «приударить», пользуясь ее беспорядком и полной незащищенностью. Но не тут-то было! Она стала сопротивляться и разбила ему нос. Тогда он начал бить ее. Но, как всегда, пан Лешек был поблизости от своей хозяйки. Он прыгнул и вцепился коменданту в голову. Кот драл его, как ранее собак. На вопли прибежали люди и отбили у кота неудачного ухажера. А Бася, тем временем, убежала к нам. Комендант хотел пристрелить заступника, но его нигде не нашли.

Запомнился еще один «подвиг» пана Лешека. Летом мы часто ходили в ближние колки за грибами и ягодами. Иногда с нами ходила и Бася. Ну, а кот от нее никогда не отставал. И вот однажды мы случайно набрали на гороховое поле. Жили тогда впроголодь и полакомиться горохом были не прочь. На нашу беду посева поблизости объезжал сторож верхом на лошади. Он нас заметил, а мы его – нет. Вдруг на наши спины обрушились удары кнута. Мы страшно испугались и бросились бежать. Объездчик погнался за нами. Он очень сильно ударил Басю кнутом, и она упала. Мы остановились, готовые к неравному бою. И только тут увидели, что объездчик сильно пьян. Вдруг на круп лошади неожиданно прыгнул пан Лешек и стал драть шкуру животного. Лошадь понесла, а кот моментально спрыгнул со спины своей жертвы и, как ни в чем не бывало, вернулся к хозяйке. А крики объездчика доносились все глуше, пока не смолкли совсем.

В тот день мы вернулись домой рано и без ягод. Я рассказала отцу все и он посоветовал ничего не говорить о горохе, чтобы избежать самого ужасного наказания.

Объездчик доложил председателю колхоза о нашем проступке и всех нас вызвали в контору. К счастью, пьяный сторож не видел кота и решил, что это кто-то из нас воткнул какую-то железку в круп лошади. Председатель спросил, как мы это сделали? Моя сестра Таня смело вышла вперед и сказала:

- Нас было четверо и все мы были у него перед глазами. Как же смогли вдруг оказаться за спиной? Просто, дядя Коля был сильно пьяный и ему померещилось что-то. Мы ведь собирали ягоды на поляне.

Это была почти правда. Пьяный, он мог бы нас изувечить. Вдруг я задрала кофтенку и показала председателю спину, всю в рубцах от кнута.

- Он нас стегал кнутом ни за что. А лошадь сам ударил, когда размахивал им. Мама сказала, что будет жаловаться.

- Ладно, идите домой, - устало сказал председатель, - больше вас никто не тронет.

И дядя Коля с тех пор уже не объезжал поля. Он возил с фермы навоз на пашню.

Мы никому не рассказали о «подвиге» пана Лешека, но люди сами догадались, что без этого боевого плута дело не обошлось.

Когда после 1956 года многим высланным разрешили ехать домой, Бася Лещинская стала собираться в свою Польшу. Самой большой проблемой была забота о том, как увезти пана Лешека. Мой папа сделал для него клетку, в которой были выдвижные ящички: для еды и для туалета. Бася запаслась ветеринарной справкой о здоровье своего питомца. Мы договорились, что она сразу же напишет нам по прибытии в Польшу. Проводили на станцию, посадили в поезд и стали ждать весточки.

Письмо от Баси я получила только через два месяца после ее отъезда. Оказалось, что ее дважды высаживали с поезда из-за характера пана Лешека. Его «фокусы» дорого обошлись хозяйке.

Не стану описывать его дорожные выходки, скажу только, что кот прожил у Барбары Лещинской 20 лет. В каждом письме она о нем писала. На всех, присланных нам фотографиях, рядом с хозяйкой и ее детьми красуется лукавая морда пана Лешека.

Сейчас Барбаре 75 лет и у нее другой кот по имени Кампуцик. Но своего друга и спасителя, пана Лешека она не забудет никогда

И я – тоже.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

рассказы

Ай, да Марья!

Моя бабка, Марья Михайловна, была женщина героическая. Когда в октябрьские дни 1917 года деде, Александр Тимофеевич, погиб в уличной перестрелке, у нее на руках осталось шестеро детей. Жили они в Петрограде, на Васильевском острове, где моя бабушка учительствовала в воскресной школе для взрослых.

Не смущаясь трудностей, она после похорон деда собралась и со всей оравой двинулась к своему брату Антону Михайловичу в Прибайкалье, где тот служил лесником на заимке у одного лесопромышленника. Добиралась долго, несколько месяцев, на чем придется: на поезде, на лошадях и пешком. Но именно это ее решение оказалось верным. Оно спало от гибели детей. Все шестеро пережили Тяжелове время в глухомани, в тайге, где самой большой опасностью были дикие звери.

Жена дяди Антона, Марьяна Архиповна, была женщина сердобольная, детей своих не имела, поэтому мужнины племянники вскоре стали ей столь же дороги, как собственные дети.

Бабушка Марья Михайловна не могла сидеть без дела и устроилась вскоре учительницей в таежном поселке Баргузине. Школа была маленькая, но уютная и светлая, а учеников 42 человека вместе с ее старшими детьми. На работу и учебу ходили ежедневно на лыжах за шесть километров в любую погоду. И только когда крутила настоящая таежная пурга, оставались ночевать в школьной сторожке.

Однажды, в первую же таежную зиму, в феврале, с бабой Машей и тремя ее сыновьями Петром, Иваном и Федором произошел удивительный случай. Они возвращались из школы на заимку уже в сумерках. Шли на лыжах, гуськом: впереди старший, четырнадцатилетний Петр, за ним мать, затем Иван, а замыкал цепочку младший Федя. Когда прошли уже версты четыре, а до заимки оставалось всего ничего, наперерез им вдруг вышла на просеку волчья стая. Они враз остановились.

- Не двигаться! – властно сказала баба Маша. – Делайте, как я скажу! Стойте, молчите, не шевелитесь!

Люди замерли и стояли неподвижно на тридцатиградусном морозе. Волки уселись поодаль и стали ждать. Начался поединок на выдержку между людьми и зверями. Разгоряченные быстрым бегом на лыжах люди гораздо дольше могли простоять неподвижно, чем голодные волки. Вскоре в стае забеспокоились, задвигались. Теперь все зависело от старой волчицы, которая явно командовала своими сородичами.

- Если волчица на нас не кинется, - зашептала баба Маша, - мы спасены. Не двигайтесь!

Волчица уселась впереди стаи, и жуткий вой потряс тайгу. За ней завыли и остальные волки. Этот леденящий душу концерт продолжался минут десять. Затем волчица встала и, не торопясь, пошла в темную тайгу. Вся стая двинулась за ней.

Люди простояли еще минут пять, затем баба Маша так же хладнокровно скомандовала:

- Пошли быстрее, как можно быстрее!

Но где там быстрее! Они еле ноги передвигали от стужи и страха.

- Быстрее! – торопила мать.

К заимке они уже мчались с такой скоростью, что позавидовали бы и зайцы. А когда во дворе сняли лыжи дядя Антон встревожено расспрашивал, что случилось, наша храбрая баба Маша упала в сугроб у крыльца и в голос заплакала. Ее всю трясло от пережитого, а ночью тетка Марьяна отпаивала ее ореховым настоем и зверобоем.

- Мама так храбро себя вела, - удивлялись сыновья. – Командовала. Если бы не она, нас, наверное, волки порвали бы. Мы б ведь побежали от них. А теперь плачет, как девчонка.

- Эх, вы, несмышлениши! Да она, спасая вас, забыла о страхе, и обо все. Ради этого и напрягла всю свою душеньку, а теперь от одной только мысли, что могло с вами случиться ее колотун бьет. Ну, ничего. Это пройдет. Ай-да, Марья! Героическая баба!

Мне об этом случае рассказал дядя Петр, когда бабы Маши уже не было на свете. Она погибла в оккупации. Немцы повесили мою героическую неугомонную бабку зато, что хлебы пекла для партизанского отряда под самым их носом почти два года. А было это под Ворошиловградом. Но об этом в другой раз.

Баба Маша *(продолжение)*

Когда дед мой, Александр Тимофеевич, погиб в уличной перестрелке в октябрьский дни 1917 года, он свято верил в то, за что отдал жизнь. Незадолго до гибели он писал моей бабушке: «Милая Маша! Прости, что все заботы о детях я взвалил на твои плечи. Но, поверь мне, скоро, совсем скоро, наступит другая жизнь и дети наши заживут лучше нас, светлее, интереснее. Уже не долго осталось ждать. Потерпи, родная моя труженица». Но не увидел он того, о чем мечтал. Может и к лучшему, ведь он был идеалистом и сталинщину вряд ли бы пережил.

Бабка, Марья Михайловна, не растерялась, оставшись вдовой с шестью детьми и скромными доходами учительницы. Самые страшные годы революции и гражданской войны она с детьми пережила в Забайкалье, у своего брата Антона Михайловича. В конце тридцатых годов старшие дети уже нашли свое место в жизни. Они учились и работали. Сын Петр стал военным, дочь Агриппина – врачом, дочь Екатерина – учительницей, сын Иван – агрономом, другой, младшенький Федя – метеорологом («Погоду портит», - шутила баба Маша). Дочь Ольга – библиотекарь. Жить стало легче. Но однажды втянувшись в ритм с полной нагрузкой, баба Маша жила как заводная.

- Да сядь ты, посиди, мама! - бывало скажет дочь Оля, у которой она почти все время жила. Да где там! Не могла моя неугомонная бабка сидеть на месте. Внуков перенячила всех. Всегда стремилась к тому из детей, где больше всего в ней нуждались. Очень гордилась, что всех их вывела в люди. Дочь ее, Ольга Александровна (моя мама), старалась оберечь старуху от всех невзгод, заботилась о ее здоровье, заставляла сестру Агриппину Александровну время от времени класть бабулю в свою больницу «подремонттировать» (опять Бабина шутка). Хорошо стало жить, спокойно. Только б не было войны.

А вот война началась внезапно. Сразу все смешалось. Баба Маша решительно заявила, что она поедет к Пете. Там она нужнее всего. Оба они и сын и невестка (военный врач) уходят на фронт, а внук Вовка остается один. И она укатила в Ворошиловград, на Украину, куда к тому времени забросила ее сына беспокойная военная профессия. Уехала и как в воду канула. До 1945 года, до самого конца

войны, никто из детей не знал о ее судьбе ничего. В живых остались только четверо. Петр, Агриппина, Екатерина и Ольга. Иван и Федор погибли на фронте. В 1945 году Петр Александрович потерял и жену. Она погибла при бомбежке эвакогоспиталя. После победы он поехал искать мать и сына в Ворошиловград. Вернулся он оттуда совсем седой. Долго молчал, сидя в саду у сестры, где жил тогда. Наконец рассказал:

- Мама и Вова похоронены теперь в братской могиле в Ворошиловграде. Наша баба Маша не могла сидеть без дела в такую пору, как война. У нас в доме, где она жила с внуком, устроила явочную квартиру. Около двух лет под носом у немцев снабжала партизан хлебом, которые приспособилась печь в погребушке во дворе. А сгубила ее старушечья аккуратность. Пришли как-то трое немцев помародерничать. Они к концу оккупации совсем обнаглели. Стали перерывать сундуки и наткнулись в одном из них на мой аттестат, по которому баба Маша до оккупации деньги на Вовку получала. И зачем она его берегла? Ну, тут началось! Немцы стали гнать ее в комендатуру, как мать красного командира, а она стала кричать, что их Гитлер – собака и фашистский ублюдок и что скоро наши придут и прихлопнут их, как мух. Немцы начали ее избивать. А тут на беду Вовка во двор вбежал. Он кинулся на немцев с криком: «Не тронь, фашист, бабу Машу!». Завязалась борьба, Вовка укусил кого-то. Тогда тот хладнокровно пристрелил его из автомата. Когда баба Маша увидела это, она совсем обезумела. Еле справились с нею фашисты. Они ее связали и повесили живую за ноги на грушу, что росла во дворе. Все это видела соседка через плетень. Пригрозив убить на месте любого, кто приблизится к этой «альтшвайн», они ушли. Когда совсем стемнело, соседи пробрались во двор и сняли бабу Машу с груши. Она была уже мертва. Наскоро похоронили ее и Вовку в саду, у плетня. Это все, что могли они теперь сделать для своей соседки. Когда я приехал, мне все это рассказали и показали, где они лежат. Я пошел в военкомат, где особая комиссия занималась розысками уцелевших и погибших партизан, свозили на площадь гробы и трупы героев. Я все рассказал и бабу Машу с Вовкой похоронили вместе со всеми подпольщиками в братской могиле.

На митинге командир партизанского отряда, безрукий инвалид Семен Крутый, рассказал о том, что в доме нашей бабы Маши была явочная квартира партизан и что она пекла хлеб партизанам почти всю оккупацию.

- Героическая у Вас мать, товарищ полковник! – сказал он в заключение.

Все, оставшиеся в живых, дети бабы Маши часто ездят в Ворошиловград на могилу матери и ее боевых друзей. Были там и мы, ее внуки. И наши дети, ее правнуки. Среди нескольких сот имен на мраморной плите есть и ее имя, имя нашей бабушки Маши, Марии Михайловны, вечная ей память и не только в наших сердцах.

Дора

Прииск, на котором произошел этот трагический случай, находился недалеко от Магадана.. В те далекие, трудные для нашей страны годы, там работали люди,

попавшие в страшную мясорубку ежовщины и жизнь их была столь бедна событиями, что происшествие это осталось в их памяти на всю жизнь.

Лагерь, где стояли бараки ссыльных, был обнесен колючей проволокой. У охранников содержались овчарки, свирепые, полуголодные, так что и думать о побеге никто не смел, да и сил на это не было - не те харчи.

Однажды охранник по прозвищу Витах бросил в шурф заброшенной шахты свою собаку. Она чем-то заболела и Витах, боясь заразиться, избавился от нее таким способом. В первую ночь она очень жалобно скулила и ссыльный Евгений Иванович, дежуривший в пищеблоке, пожалел ее, отнес и сбросил в шурф протухшие кости и еще кое-какую бросовую еду. На следующую ночь собака снова дала, о себе знать. И снова Евгений Иванович накормил ее чем смог. Так и повелось. На веревке по ночам ссыльный спускал в старом ведре воду, добывал с большим трудом еду и кормил собаку. Она перестала скулить и уже встречала Евгения Ивановича приветливым повизгиванием.

Наконец, наступила ночь, Когда он смог, спустившись по двум жердям, выволочь овчарку наружу. Теперь стало проблемой - куда ее спрятать. Но умное животное само позаботилось об этом. За лагерем был каменистый карьер, поросший густым ельником. Здесь, в одной из пещер нашла свое убежище спасенная овчарка. Почти каждую ночь Евгений Иванович навещал свою подопечную, носил еду, иногда отрывая ее от своего скудного пайка. Он приучил собаку к новой кличке Дора, на которую та охотно откликалась. Наконец, она настолько окрепла, что стала успешно охотиться в лесу, обеспечивая себе пропитание. Иногда и Евгению Ивановичу кое-что доставалось «со стола» Доры: она умела быть благодарной.

Собака очень привязалась к слабому, истощенному человеку и если он долго не приходил, осмеливалась подходить к лагерю довольно близко и выла.

Бывший хозяин Доры, Витах, был самым свирепым из охранников. Избить ссыльного, выбить ему зубы, изувечить - для него было обычным делом. С некоторых пор он особенно стал придирается к безропотному Евгению Ивановичу. Уже дважды бил его плеткой, посылал на самую тяжелую и грязную работу. Но в последнее время тот стал лучше себя чувствовать, окреп. Сказывалась подкормка из трофеев Доры, да и ее ласковая привязанность вносила в жизнь хоть скудную, но все-таки радость. Так что придирки Витаха не приводили его, как раньше, в большое отчаяние. А тот день ото дня свирепел. И настал день, когда он, набросившись на Евгения Ивановича за незначительную оплошность, стал бить его сапогами смертным боем. Дело было в карьере, других охранников не было видно, а ссыльные слишком слабы и запуганы, чтобы заступиться. Евгений Иванович был уже без сознания и перестал кричать, как вдруг из ельника метнулось сильное тело какого-то зверя и кинулось на грудь Витаху.

- Волк! - закричало сразу несколько голосов.

Но это был не волк. Это была Дора. Она бросилась на защиту своего спасителя. Пока ссыльные осмелились придти на помощь, пока из другого карьера на крики подоспели охранники, все было кончено. Витах лежал с перекусанным горлом, а Дора, скуля, вылизывала раны лежащего без памяти Евгения Ивановича. Все оторопели. Потом старший охранник Овсов выхватил из кобуры револьвер и стал с

ожесточением палить вверх, пока не кончились в барабане патроны. После первого же выстрела Дора рванулась и исчезла в густом ельнике.

- Собаке - собачья смерть, - тихо сказал кто-то. Охранники ушли, приказав закопать обоих в карьере. Но Евгений Иванович, когда его поднимали, застонал. Он был жив, хотя избит нещадно. Его отнесли в одну из пещер в карьере и первое время боялись говорить в лагере о том, что он жив. По очереди ходили тайком в пещеру, промывали ему раны, кормили, приносили воду. И всегда у пещеры находили овчарку. Сначала при виде людей она убегала, но потом поняла, что они ей ничего худого не сделают и смело входила в пещеру, ложилась у ног больного и настороженно следила за действиями пришедших.

Евгений Иванович медленно поправлялся. Когда он мог уже выходить на воздух без посторонней помощи, его друг Борис Лаврентьевич, бывший генетик, решил рискнуть и однажды пришел к начальнику лагеря и рассказал ему все. Тот долго сидел молча, наконец сказал:

- Ладно, ведите сюда обо их: и друга вашего и эту овчарку. Витах, действительно, был основательной скотиной. Может, не следует этого говорить, но я даже рад был случившемуся. Он постоянно держал всех в страхе, все кому-то отправлял загадочные письма. А ведь овчарка эта была раньше его, и он ее обрек на смерть. Выходит отомстила ему.

Так Евгений Иванович вернулся в лагерь. Дора жила теперь в бараке, спала возле нар своего хозяина и зорко следила, чтобы его, не дай бог, кто-нибудь тронул. Но охранники обходили ее стороной, а иные подкармливали, стараясь задобрить.

Дора и ее хозяин дожили до реабилитации. Освободившись из лагеря, Евгений Иванович почти год добирался до родного Джанкоя. Он не мог бросить собаку, а с ней было трудно продвигаться вперед, ибо характер у нее остался прежний и она глухо рычала на любого, кто осмеливался повысить голос на ее хозяина.

Дожила Дора до глубокой старости и была общей любимицей в семье Евгения Ивановича, который пережил собаку всего на год. Но о своих с ней приключениях успел записать, оставив детям и внукам интереснейшие дневники о своем существовании, как он метко выразился, «по ту сторону жизни».

Варька из аула Караколь

Босоногая Варька вбежала в юрту бабушки Макпал.

- Ты откуда, коза? - засмеялась бабушка.

- Эже, иримшик барма? - выпалила Варька.

- Есть, есть, - ответила по-русски бабушка. - Держи! - и она насыпала в подол платица маленькой гостьи щедрую горсть лакомства.

- Рахмет! - не забыла сказать Варька и стрелой вынеслась из юрты. Дома ждали всегда голодные братишки-близнецы Петя и Гришаня. И Варька целый день крутилась, стараясь накормить их хоть чем-нибудь. Пятилетняя девчонка и не подозревала, что где-то есть дети, которые играют друг с другом, каждый день обедают и ужинают, носят хорошие платья, штаны и рубашки.

Варькино детство проходило в ауле Караколь в Казахстане, куда семья талантливого инженера Сергея Бусыгина была выслана в 1938 году, когда Варьке было три года, а Гришане и Пете – всего год. Жена Сергея, Мария, по профессии архитектор, работала вместе с мужем на колхозной ферме. Вечером, приготовив скудный ужин и еду детям на завтра, она, обессиленная, засыпала. А утром - снова на ферму. Дети были предоставлены сами себе.

- Помощница ты моя, - шептала мать со слезами, - бедная моя доченька. Прости меня, Варенька, - и она гладила крепко спавшую девочку по голове. Той еды, что оставляла Мария детям на день, явно не хватало, и бойкая Варька умудрялась добывать ее всеми способами, исключая воровство. За это мать сурово наказывала. Да и считалось это страшным грехом у корённых жителей аула, добрых и улыбчивых казахов.

Когда Варьке исполнилось шесть лет; началась война. Теперь Мария и Сергей работали порознь. В хозяйстве вспомнили, что он инженер, и направили в соседнее село Назаровку в МТС. Почти все механизаторы ушли на фронт, технику ремонтировать было некому. К тому же надо учить девчонок водить тракторы и машины. Отец бывал теперь дома раз в месяц, а то и реже. А тут еще несчастье случилось: Мария застудила на ферме ноги и теперь сидела дома. Но бездельничать она не умела. Пригодились знания, полученные на курсах кройки и шитья в бытность ее студенткой. На своей швейной машинке она шила мешки, халаты дояркам, рукавицы; Теперь мать сама заботилась о братишке, а она пошла в школу. В аульной начальной школе учили на казахском языке, но девчонка давно уже бойко говорила по-казахски, поэтому затруднений не предвиделось.

Ни за что бы не выжить больной женщине стремя детьми, если бы не соседи, да и все жители аула помогали, как могли, Марии. С легкой руки бабушки Макпал, которая верховодила аульными женщинами, Марию ласково называли по-казахски - Мариам. Помогли сердобольные казашки завести хозяйство. Соседка-учительница Кульзира подарила квочку с цыплятами. Другая соседка, доярка Шолпан, когда у неё корова принесла двух телочек, одну отдала Бусыгиным за то, что Мария обшивала всю ее семью. В день рождения Варьки подружка Дария вместе с мамой привела ей в подарок молодую овечку, которая через месяц принесла двух хорошеньких ягнятков.

Варька так и не узнала, что такое детство по-настоящему. Каждое лето ученики работали в колхозе. Варькины подружки Дария и Марал были на год старше ее и многому она у них научилась. Но больше всех ей по душе пришлась внучка бабушки Макпал – Гульсум. Крепко подружились они после одного случая летом 1944 года. Девчонки работали на ферме, загружая навозом тракторные тележки для отправки на поля. В соседней базе находился в отдельном стойле на цепи матерый бугай. Как ему удалось вырваться оттуда, неизвестно, но он вдруг вышел из-за угла, утробно урча и роя копытом землю. Если бы они так и стояли, бык прошел мимо, даже не заметив их. Но тут Гульсум громко закричала и побежала. Варька бросилась ему наперерез, ни о чем не думая: надо было спасти Гульсум. Она ловко увернулась от его передних копыт и, схватив за кольцо, продетое в ноздри животного, изо всех сил дернула за него. Бык замер и остановился. А Варька тянула и тянула за кольцо и визжала, пока подоспевшие чабаны и бригадир не оттащили ее

от присмирившего бугая и не унесли в «молоканку», где доярки отпаивали перепуганную Гульсум, Девчонки бросились друг к другу и заревели.

-Ты живая, ты живая, - повторяла Гульсум, прижимая к себе Варьку.

Прибежавшие бабушка Макпал и мать Гульсум Нагима увели их домой.

С тех пор они стали как сестры. После окончания войны Сергея Бусыгина перевели в райцентр, но семью он смог забрать только через год. Как плакала Варька, уезжая из ставшего родным аула Караколь, как не хотела покидать свою Гульсум, Макпал, любимую учительницу Кульзиру-апа.

И до самого окончания десятилетки каждое лето ездила она в аул, встречалась с приехавшей на каникулы Гульсум. Они работали в колхозе, ходили за ягодами и грибами, купались в озере.

На всю жизнь полюбила Варвара Бусыгина казахстанскую землю, людей, которые спасли их семью от несчастья. И когда после 1956 года их реабилитировали, семья Бусыгиных осталась в Казахстане, обретя здесь свою вторую родину.

Раскаянье

Санька Круглова жила весело и беззаботно. От родителей ей остался добротный дом, приусадебный участок с огородом, яблонями, ягодниками. За огородом и домом она следила хорошо. Ухаживала за яблонями и кустами ягод, ибо это был источник дохода. И неплохой. Немалую прибыль давала самогонка, которую Санька гнала в баньке по ночам. На это и жила. А вот работать нигде не хотела категорически.

- Пусть работает медведь, у него четыре лапы, - шутила она, - и он сильный!

Часто у нее в доме бывали гулянки, но безудержной пьянки она не допускала. Хвативших лишку гостей немедленно изгоняла из дома.

Конечно, при такой жизни у нее случались иногда "проколы", как она сама определяла свои беременности и рождение детей. Но в доме у нее никогда не было детишек. Она их оставляла в роддоме или пристраивала в детприемник в другой области, где жила ее двоюродная сестра Дарья.

Так, порхая по жизни, Александра дожила до 50 лет. Здоровья не сохранила, да и где было о нем думать, когда пришли совсем другие заботы. Бывшие дружки быстро забыли к ней дорогу, когда нечем стало уже поживиться. Жить ей становилось все хуже.

Как-то, придя к соседке бабке Прасковье за молоком, она стала жаловаться на жизнь и на судьбу.

- Эх, ты, кукушка, - сказала бабка Прасковья. - Вот ты завидуешь мне, что я не одна да и без помощников не бываю. А отчего это? Не думала, поди. А от того, что трех сынов да дочку вырастила. Конечно, мой Степаныч хороший был мужик, твердый и детишек любил. А главное-то для них все-таки мать. Вот они меня и холят теперь. Все просят, чтоб у них пожила. Жалеют да балуют. И мне радость на старости лет. А ты разбросала своих птенцов по чужим гнездам, а теперь на жизнь жалуешься. Не жалею я тебя. Сама свою судьбу выбрала. Конечно, ты супротив меня легко прожила до полсотни лет, а я все в заботах да хлопотах. Зато уж 15 лет,

как на пенсии, и живу в достатке и в холе. Даст Бог и еще поживу. Здоровье у меня неплохое, хоть и стара уже.

Впервые Александра задумалась над своей жизнью. Стала вспоминать, а сколько же у нее детей было? Выходило, четверо. Пятого родила мертвым, ей сделали операцию, и больше она не рожала. Пенсии Александра не заработала, поэтому старость обещала быть не очень-то доброй. Ну, еще десять лет протянет как-нибудь, а дальше что? После веселой поры началась тусклая, беспросветная забота о куске хлеба.

Когда ей стукнуло 54 года, Александра получила какое-то непонятное письмо. Никто, кроме сестры Дарьи, ей не писал, и поэтому было непонятно, от кого оно. Какая-то женщина по имени Татьяна Березова просила разрешения приехать поговорить. Александра ответила, что пусть приезжает. Через месяц, когда она стала уже забывать о письме, в дом пришла молодая женщина, поздоровалась и молча встала на пороге. Александра обомлела: на нее смотрела она сама, только такая, какой она была лет двадцать пять назад. Сразу все поняв, сказала:

- Ты – моя дочь. Это точно!

- Да, - подтвердила женщина. - Я – ваша дочь, которую вы оставили в детприемнике в городе Сороге. Я нашла вас, когда стала работать в этом приемнике. Вы туда сдали еще двух детей, моих братьев Николая и Костю. Теперь мы носим одну фамилию, ту, под которой сдали меня. А отчество у нас – Ивановичи. Ведь отцов мы не знаем. Мы хотим жить вместе, в одном городе. И еще: с кем вы живете, есть ли с вами кто из детей?

- Живу одна. Есть еще сестра у тебя. Оставила я ее в роддоме, в вашем же городе... Там еще ваша двоюродная тетка живот, Дарья. Но она себе пенсию заработала, так что живет лучше меня. Если хочешь, то ищи.

- А в каком роддоме? Их у нас два.

- В том, что на улице Садовой. Номер два, кажется.

- Да, есть такой. - Женщина устало прошла в комнату и без церемоний села в кресло:

- Я у вас переночую? У меня поезд в семь часов утра.

- Ночуй, конечно, - поспешно ответила мать, - места хватит, дом большой. Видишь, все комнаты пустые.

- И вы живете здесь совсем одна? - спросила дочь.

- Одна, - ответила Александра. - Тебя Татьяной зовут?

- Да. А кто мой отец? Жив ли он?

Мать смутилась, но ответила:

- Хороший был человек, но непутевый. Гулял сильно. Уж три года как помер. А звали его и вправду Иваном. И брат твой, что младше тебя на три года, тоже его сын. Я с Иваном семь лет жила.

- Значит, Коля мой родной брат, - оживилась Татьяна. - Я не спрашиваю, зачем вы это сделали. Родителей не судят. Но как же у вас душа за нас не болела? У меня двое детей: дочка Ларочка и сын Сережа. Двойняшки. Я бы с ума сошла, если бы их потеряла. Да и муж мой Никита – тоже. Как вы-то с этой ношей живете?

- Теперь-то поняла дурость свою, а тогда забот боялась. Да и мужики попадались непутевые. Боялась, что одна не подниму ребят. В голове пусто было,

что ли? Вспоминала иногда, да прочь гнала мысли эти. Как говорит моя соседка, бабка Прасковья, кукушечий характер у меня. Опомнилась поздно. Ничего не исправишь. Одна буду как-нибудь век доживать.

- Почему же одна? - удивилась Татьяна, - ведь я вас нашла. Вы плохая мать, но жизнь нам дали. Поэтому в старости мы вас не бросим. Когда я сюда ехала, то решила, если мать одна – забираю к нам. А если с кем-то живет, то пусть все останется как есть. Правда, живем мы в небольшой трехкомнатной квартире, которую получили после рождения близнецов. С нами живут Николай с женой Леной и Костя. Но решили, как-нибудь потеснимся. Я же не знала, что у вас такой домина. Теперь, думаю, мы решим так: я завтра уеду, а вы приедете к нам, и мы найдем мою сестренку. Потом выберете, с кем из нас будете жить. Дом этот можно заселить вашими детьми, если вы не против. У Лены скоро ребеночек будет, есть кого нянчить.

- Ты что святая? - спросила Александра. - Я вам столько зла сделала, бросила, а вы меня матерью считаете? Нет, я не такая уж наглая. Дом, конечно, я вам отпишу, но жить с вами не буду. К Дарье уеду.

- Вы так ничего и не поняли, - грустно сказала Татьяна. - Нам не дом нужен. Мы хотим, чтобы у нас, как у всех, была мать.

- А обо мне вы подумали? Каждый день укор перед глазами. Это же казнь египетская! Как я буду жить с этим?

- Мы вас давно простили. Ведь не по злобе это было, а в силу вашего легкого, кукушечьего характера. Да и раскаялись вы уже. Все! Завтра я уеду, вот адрес, - и она положила на комод бумажку с адресом. - Приезжайте, будем искать сестру.

Ужинали молча. Когда легли спать, Александра расплакалась и дочери пришлось ее успокаивать:

- Перестаньте, мама, ведь все хорошо кончилось.

Она впервые назвала ее матерью и Александре вдруг стало легче. Она успокоилась и уснула.

Утром дочь уехала. А мать еще неделю мучилась: ехать или нет? Но решила: будь что будет!

Сестренку Олю Татьяна нашла. Ее удочерила пожилая, бездетная пара. Приемные родители уже умерли, а она жила одна в маленьком домике, на окраине их города. Работала Оля в аптеке, по профессии была фармацевтом. Она очень обрадовалась, что обрела столько родных и даже мать.

Вот уже несколько лет Александра живет у Татьяны, нянчит маленького внука Павлика, который недавно родился у дочери. Оля вышла замуж и поселилась недалеко от них. Николай с Леной, сынишкой Андрюшей и братом Костей переехали в большой дом матери. Они на редкость дружная семья. Все праздники встречают вместе. Благодарны старшей сестре Татьяне за то, что собрала их всех и нашла мать.

Александра почти каждую неделю ходит в храм замаливать свой материнский грех и благодарить Бога за незаслуженную милость.

Карагоз

Жанбота сидел в юрте один у остывшего очага. Через шанырак он видел звезды. За юртой было тихо. Аул спал, но Жанбота спать не мог. Сегодня ровно десять дней, как похоронили его родителей. Их не стало во время налета барымтачей на аул. Бандиты налетели из соседей волости. Табуны удалось отбить, но четыре человека погибли и в числе их – родители Жанботы. У десятилетнего мальчика никого не осталось, кроме дяди Оралбая, брата отца, который приедет за ним завтра. А сегодня он прощался с родной юртой. Сложил в отцовский коржун свой нехитрый скарб: одежду, камчу отца, три кесе, Коран, серебряные украшения матери, ее праздничный жаулык, обувь, новый отцовский чапан, коврик для намаза. Утром юрту разберут и вместе со всем, что в ней есть, увезут в аул к дяде.

Оралбай приехал со своим младшим сыном Аскарком, ровесником Жанботы. Дядя побывал на могиле родичей, пока разбирали юрту, пообедал у своего друга Сарсенбая, и они отправились в путь.

Жанбота сидел на верблюде вместе с Аскарком и тот рассказывал о своем ауле, раскинувшемся на берегу озера Карасу. Потом они уснули, убаюканные мерным покачиванием верблюда и жарким солнцем.

В ауле дяди Жанботу встретили хорошо. Все его жалели, как сироту, а токал Айгерим взяла мальчика в свою Юрту, чтобы заботиться о нем. Жанбота очень подружился с Аскарком и его старшим братом Батырбеком, у которого уже была своя лошадь, молодая кобыла Сулем. Брат обещал жеребенка от нее подарить Жанботе.

Жизнь мальчика в ауле дяди шла спокойно. Айгерим относилась к нему как к родному сыну, да и дядя часто спрашивал, как ему живется, не обижают ли братья.

-Нет, дядя, никто меня не обижает. А женге Айгерим сшила мне новую одежду и зовет меня сыном.

-Вот и хорошо, сынок, расти поскорей, становись джигитом, - улыбался Оралбай.

Когда Жанботе исполнилось двенадцать лет, у Батырбека случилось несчастье. Ожеребилась его любимая Сулем, но так тяжело, что ее пришлось прирезать. Остался маленький черный жеребенок с белой звездочкой на лбу.

-Забирай его себе, Жанбота, - сказал брат, - Я ведь тебе обещал. Видеть его не могу. Из-за него погибла моя любимая Сулем.

Жанбота стал заботливо растить малыша. Дал ему имя Карагоз. Жеребенок был красивым и так привязался к хозяину, что ходил за ним по пятам.

Карагозу исполнилось два года. Однажды он отправился у дяди съездить на могилу родителей.

-Хорошо, поезжай. Но не один. Пусть с тобой поедит Аскар. Да возьми старых лошадей. Они и дорогу знают, и послушны в упряжи.

-А Карагоз? – спросил Жанбота.

-В табуне побудет. Молод еще под седло.

На следующее утро мальчишки уехали. А через день в аул нагрянул большой начальник – бай Алибек со свитой. Оралбай не знал, как угодить высокому гостю. Послал в табун джигитов выбрать лучших двухлеток для тебя. Парни привели Карагоза и Улуса – жеребенка Аскара.

-Отец не надо Карагоза резать. Жанбота его из сосунков вырастил, себе коня готовил. Да и любит его очень.

-Ничего, другого выберет. Улус худоват для тоя.

Судьба Карагоза была решена.

Когда через пять дней вернулись мальчики.

Жанбота первым делом бросился в табун за Карагозом. Но пастухи сказали, что его нет, забрали джигиты дяди. Мальчик побежал в аул. Навстречу ему уже скакал Аскар.

-Жанбота, дорогой, я все знаю. Отец велел зарезать Карагоза для тебя в честь высоких гостей. Ты можешь выбрать любого двухлетку в табуне. Он так сказал.

Жанбота спустился в траву и заплакал. Аскар тоже стал всхлипывать, приговаривая:

-Батырбек с отцом разругался. Он говорит, как тебе в глаза посмотрит. Подарил и забрал. Позор-то какой! Но в ауле отец – хозяин. Прости нас Жанбота!

-Вы не виноваты, Аскар. Ты езжай. Я потом приду.

Аскар пошел в аул, ведя на поводу лошадь.

Поздно вечером Жанбота вошел в юрту Айгерим. Она ждала его и бросилась уговаривать так: все уладится.

-Женеше, собери мне коржун. Ну, одежду какую-нибудь, еды, сколько сможешь. Я утром пойду в аул своих родителей.

Айгерим молча выполнила просьбу мальчика. Утром Жанботы не было уже в ауле.

-Мальчишка – глупец. Куда он ушел? Ведь пропадет где-нибудь. Из-за коня устроить такое! – бушевал Оралбай. Он послал в аул брата людей забрать непокорного, но те вернулись ни с чем: в том ауле Жанботы не было. Он и не приходил туда.

Батырбек и Аскар несколько дней рыскали по степи, разыскивая беглеца. Но так и не нашли. И только Айгерим молила Аллаха, что-бы уберег ее верблюжонка от бед, сохранил ему жизнь.

Так и затерялся в бескрайних казахских степях обиженный сирот

С УЛЫБКОЙ

Седмица юмореска

Знаете ли вы, что число семь считается роковым и почти волшебным для всех? Ну, посудите сами. Седьмого ноября свершилась в России революция, седьмого января – Рождество Христово, в неделе семь дней. А сколько пословиц о седьмом числе? «Семь раз отмерь – одинраз отрежь», «У семи нянек дитя без глазу», «Семеро одного не ждут» и т.д.

Бабка Варвара еще больше поверила в «седмицу», после того как семь дней спустя после получения пенсии к ней ночью заявили гости: три дюжих молодца с чулками на рожках. Варвара не испугалась и, когда молодцы потребовали денег, бодро повела их в чулан. Открыв дверь, она, как вежливая хозяйка, пропустила их вперед и, быстро захлопнув в чулан, задвинула железный засов. Молодцы зашумели, стали стучать и ругаться, но бабка Варвара сказала:

- Сидите смирно. Денег у меня там нет, жратвы – тоже, но места хватит всем троим. Если будете шуметь, харчей не получите. А это вам для справных нужд, – и она подала в окошечко над дверью ночной горшок.

Молодцы замолчали и стали совещаться. Потом попытались выломать дверь.

- Не старайтесь, – урезонила их бабка, – мой покойный старик был отменный мастер. Сработал чулан на совесть. Так что сидите себе и отдыхайте.

- И долго ты, ведьма, нас здесь держать думаешь? - спросили из чулана.

- За ведьму еще сутки набавлю. И за каждое срамное слово – по суткам. Поняли?

В чулане стало тихо. А бабка Варвара пошла управляться по хозяйству.

На утро следующего дня молодцы уже ласково умоляли бабку пожалеть их и выпустить. Но Варвара была непреклонна. Кормила она их впритруску: в день давала по два небольших кусочка хлеба и по кружке воды. К концу четвертых суток они уже были согласны сдать милиции.

- Ладно, - сказала бабка, - пойду с соседкой посоветуюсь, а то, глядишь, через месяц и сами вылезете в окошко над дверью Поди, сбросили жиры-то, а?

У соседей был переполох и им было не до бабки Варвары. Четверо суток не являлся домой их сын Васька, шалопай и бездельник. Они уже и в милицию заявили.

- погоди, сосед, я, кажись, знаю, где твой Васька, - сказала бабка Варвара. - Пойдем со мной да брата Илью прихвати.

Она привела соседей к себе, не спеша открыла чулан, и перед глазами оторопевших отца и дядьки предстал их Васька с двумя "друганами". Но в каком виде! Худые, небритые, в измятой одежде, они жались друг к другу и хлопали глупыми глазами.

- Четыре дня уже сидят тут, - пояснила бабка, - за пенсией моей пришли с чулками на мордах. А я исхитрилась да в чулан их и закрыла. Пушай, думаю, посчитают на досуге доходы свои.

Опозорившихся рэкетиров отец и дядька Илья погнали домой, а бабка Варвара в тот же вечер очень красочно живописала соседкам на лавочке у дома о своем подвиге и позоре неудачливых грабителей.

- Вот я и говорю, - разглагольствовала она. - Самое главное в доме – крепкий чулан. Мой Панфилич, царствие ему небесное, знал в этом толк. А в «седмицу» теперь верю крепко и вам всем советую.

Ферапонтиха

Ферапонтиха считала себя много умнее своих соседей и товарок. Жила она одна. Хоть и дети у нее были, и внуки. «По случаю своего «карактеру», - объясняла бабка. Характер у нее действительно был аховый. Как-то, несколько лет назад, пенсионеры месяцев семь не получали пенсий. А вот Ферапонтиха свою пенсию отсудила сполна, подав иск на собес. И так во всем.

Но однажды на бабкин «карактер» нашелся укорот. Один из приехавших в городок «челноков» попросился к ней на постой. Конечно, это было выгодно, и она пустила его. Назвался он Арнольдод. Хозяйка хорошо заработала на уплате за

«фатеру». Закупив и продав что нужно, тот, пока бабка была на базаре, отбыл восвояси. Да еще прихватил ее пуховую шаль и зимние сапоги.

Горю Ферапонтихи не было предела. Наконец-то она поняла, как чувствуют себя люди, которых сама «обувала». Она притихла и перестала нагличать и обманывать других.

Но время шло, и бабкин «карактер» брал свое. Однажды судьба столкнула Ферапонтиху на базаре в областном городе, куда она нередко навещивалась, с тем самым Арнольдом, который ее так нахально обобрал. Что тут началось! Как клещ вцепилась бабка в своего обидчика и завопила на весь базар. Начала собираться толпа, а жулику Арнольду такая «популярность» была ни к чему.

-Мама, мама, - стал он ее обнимать. - Граждане, это моя мама. Я давно у нее не был. Вот и ругается. Пойдем, нехорошо: люди смотрят.

Ферапонтиха онемела от такой наглости и, раскрыв рот, смотрела на Арнольда. Люди разошлись, а жулик потащил старуху за угол. Здесь он пару раз стукнул ее по голове, отобрал деньги и товар и пригрозил, что если, она еще раз его «узнает», то все, что заработала, уйдет на ее похороны.

Ферапонтиха вернулась домой притихшая и никому, кроме своей кумы, не рассказала о том случае. Впрочем, ее «карактер» не позволил ей остаться без реванша. Аккуратно, раз в неделю, она продолжала ездить в город. Одевалась очень бедно и на нос цепляла очки. Через два месяца, в конце лета, вернулась из города с двумя огромными сумками и мешком. На вокзале ее встретила кума, и они вдвоем еле дотащили поклажу до дома. Спрятали ее у кумы.

А на следующий день прикатил Арнольд. Как потом рассказывала кума, он со слезами умолял Ферапонтиху вернуть ему товар, но та заставила восстановить цену всего у нее украденного. Да еще пригрозила, что теперь, если он ее хоть раз «узнает», то ему не поздоровится, ведь у нее теперь такие амбалы в активе...

Наконец сумки и мешок кума и ее здоровенные сыновья принесли, да еще за беспокойство с Арнольда деньги содрали. Схватив свой товар, жулик поспешно смотался, кляня и бабку, и ее амбалов.

- Как же ты его обчистила? - поинтересовалась у Ферапонтихи кума.

- А целых два месяца следила за ним. Однажды на вокзале подслала перед самой электричкой четырех пацанов. Они и утащили баулы и мешок. А я им за это на мороженое дала и на «Фанту», сама на электричку - и уехала. Он увидел меня уже в окне вагона и понял, видать, все.

Долго смеялись ответу Ферапонтихи обидчику ее кума с сыновьями. Вот тебе и «карактер»!

Воронья трагикомедия

Ворона жаждала славы. Среди птиц, оставшихся в живых после результатов хозяйственной деятельности человека, ворона считала себя аристократкой. Правда, за городом по весне слетались на пашни грачи, а на пустырях трещали сороки, но этих сородичей она считала плебеями, ведь их единственной целью в жизни была забота о том, как бы потуже набить зобы, а там, хоть трава не расти.

Итак, Ворона решила прославиться. А где можно сыскать славу, как не в прессе? Для начала она решила быть поближе к районной газете. С этой целью свила свое гнездо на старой ветле под окнами редакции. Поселившись в нем, Ворона стала присматриваться к жизни, кипевшей за окнами. С раннего утра слышала она треск машинки, телефонные звонки, голоса сотрудников редакции. Ворона считала себя причастной к делам местной прессы, ведь вот уже третий год она таскала из витрины «районку» для того, чтобы выстлать газетными клочками свое гнездо.

Наконец она решила обратить на себя внимание сотрудников редакции. Стоял теплый весенний день и окна в здании были открыты. Усевшись на карниз, Ворона начала громко каркать. Это надоело одному из литсотрудников и тот запустил в птицу огрызком яблока. Удар оказался метким и из вороньего хвоста посыпались перья.

Назавтра, сидя на ветле в компании своих сородичей-ворон, наша героиня держала речь:

- Нам, газетчикам, говорила она, - часто достается за справедливую критику. Вот видите, что осталось от моего хвоста? Пострадала за правду. Но я не уступлю. Увидите, в следующем номере будет мой фельетон. Достанется в нем моим обидчикам. Прилетайте завтра сюда же на ветлу, я дам вам почитать. Ах, да! Вы же читать не умеете. Ну, ничего, я сама прочту вам.

На следующее утро на ветле под окнами редакции собралась целая воронья стая. Наша «газетчица», стащив предварительно с витрины свежий номер газеты, отрывала от него по кусочку и, сидя в центре стаи, импровизировала на вольные темы. Ее слушали, открыв клювы. Время от времени раздавалось пронзительное воронье карканье: «Браво! Браво!».

Так и повелось. Ворона, как только появлялся в витрине свежий номер газеты, немедленно его тащила к себе на ветлу, собирала своих сородичей и начиналось «чтение» под громкое карканье ворон. Результаты этих сборищ незамедлили сказаться. Не прошло и месяца, как о знаменитой «газетчице» щебетали сороки и воробьи на всех пустырях и даже на городской свалке. Ворона прославилась.

Но работникам редакции надоели шумные вороньи сборища на ветлах под окном. Они мешали сосредоточиться, отвлекали от дел. И, наконец, у заместителя редактора, под окном которого был эпицентр вороньих митингов, лопнуло терпение, и он попросил фотокорреспондента принести ружье, чтобы поугаить дерзких сплетниц.

Фотокорреспондент принес старую дедову шомполку и в самый разгар сборища крикливых птиц шарахнул из нее по стае. Воронье тотчас разлетелось, а под ветлой осталась лежать лишь одна бесхвостая ворона.

- Смотри-ка, - удивился фотокорреспондент, - а я, кажись, хозяйку гнезда хлопнул. Видите, без хвоста. Как есть она.

Да, под ветлой лежала кверху лапами прославившаяся на всю птичью округу «газетчица». Фотокорреспондент не целился именно в нее, но не даром старая русская поговорка гласит: «Бог шельму метит».

СТИХИ

Из цикла

«Позови меня в детство»

Старую Медвежку по соседству

Вспоминаю летом и в метель.

Моего неласкового детства,

Снов полузабытых колыбель.

Предо мной встают, как на параде,

**Низкорослый маленький лесок,
И домишко в жердяной ограде
Да хромой, ленивый пес Дружок.**

**Помню я, как ранними утрами
По росе холодной босиком
Мы с сестрой и пес наш вместе с нами
К озеру бежали напрямиком.**

**Край суровый и родной до боли
Я с собой из детства унесла.
Степь, камыш и перекасти-поле
Я красивым пальмам предпочла.**

**Старую Медвежку по соседству
Вспоминаю летом и в метель.
Своего неласкового детства
Сказок позабытых колыбель.**

* * *

**Мое голодное и злое детство
Вернись, вернись. Пусть будут вновь со мной
Из горькой лебеды для хлеба тесто
И в стынувшей трубе бурана вой.**

**Пусть снова влезу в ветхую фуфайку,
В опорки вставлю ноги по весне
И на отцовской старой таратайке
Придется на покосы ездить мне.**

**И голова наполнится туманом,
Потянет бросить тихий отчий дом.
Все впереди: и встречи, и обманы,
Но я пока не ведаю о том.**

**Вернись, мое неласковое детство,
Заворожи наивностью своей,
Когда беда и радость по соседству**

Живут в воображении людей.

**Пусть все вернется, снова повторится,
Лишь только бы, как прежде, по ночам
Мне стали паруса на рейде сниться
И гриновский задумчивый причал.**

* * *

**Как давно это было,
Где-то в детстве моем.
Я у моря бродила
С южным летом вдвоем.**

**Бултыхала ногами
По зеленой волне,
И дельфины кругами
Подплывали ко мне.**

**А один был всех краше,
Гладкий, словно босой.
Я звала его Яшей
И кормила камсой.,**

**Он глотал очумело
И бычков, и камсу.
Капля влаги блестела
У него на носу.**

**В доме северном нашем
Часто чудилось мне,
Будто рядышком с Яшей
Я плыву по волне.**

**Но военное горе
Опрокинуло вдруг
И лазурное море,
И дельфинов, и юг.**

Довоенное детство

**Помню, словно во сне.
С Яшей я по соседству
Вновь плыву по волне.**

**Какое счастливое время –
Военного детства года!
А мы – босоногое племя,
Грустить не умели тогда.**

**И праздники были все краше,
И лозунга сила ясна:
«За детство счастливое наше
Спасибо, родная страна!»**

**На утренник стоило мчаться,
Чтоб там получить, наконец,
Кусочек военного счастья –
Большой, расписной леденец.**

**А счастье-то было – до неба!
А дома, веселью подстать,
Кусочками черного хлеба
Встречала усталая мать.**

**То праздники были. А в будни
Нас горем венчало житье.**

**Но мы никогда не забудем
Военное детство свое.**

**Как шли по домам похоронки,
Стучал почтальон у крыльца,
Как мы, малолетки-девчонки,
Работали в поте лица.**

**Какое счастливое время,
Когда еще все впереди!
И кажется радости бремя**

Огромным, как сердце в груди.

* * *

**Позови меня в край озерный,
Где прошло сквозь стога и жнивье
Голенастое и непокорное
Деревенское детство мое.**

**Позови за село Медвежку,
В ожерелье тихих озер.
В камышах чуть приметную стежку
Помню я и найду до сих пор.**

**Просижу до утра по соседству
С птичьим шорохом, с чутким зверьем,
Только ты позови меня в детство,
В босоногое детство мое.**

* * *

**Ко мне во сне приходит детство.
Соломой крытые дома.
И мама, в полушубке тесном,
В пестрядной шали и пимах.**

**И наша темная землянка
С семилинейкой у стола,
И земляничная полянка,
Где я телят весной пасла.**

**Я вижу все, как на экране:
Деревню темную во мгле,
Сугробы снега на поляне
И волчьи свадьбы в феврале.**

И новый год в землянке тесной

Да тусклой лампочки огонь
И, вместо всех деликатесов,
Кусочки хлеба в полладонь.

Во сне мне часто детство снится:
Подворье наше в свете дня
И мама, в кофточке из ситца,
С грустинкой смотрит на меня...

Из цикла родные стежки

Булаево

Теплый дождь прогулялся над кленами,
Мимоходом асфальт сполоснул,
Прошумел тополями зелеными
И за лесом затих и уснул.

Пестрой радуги теплится зарево,
Отражаясь в озерную синь,
И стоит городок наш Булаево,
Погружен в дремоту и полынь.

Помню лето и поле раздольное
И ночевки в пахучих стогах.
Наше детство далекое, вольное
С терпким вкусом травы на губах.

Край суров и не всем улыбается,
Но любителям юга назло
Наше скромное лето булаевцам
Щедро дарит цветы и тепло.

Озеро Рыбное

По дороге проселочной
Вновь бреду наугад.
Не сосенки и елочки,
А березы стоят.

**И ни речка солидная,
Ни крутой бережок -
Просто озеро Рыбное
И зеленый лужок.**

**Просто серая шилохвость
Шебуршит в камышах,
И душистая жимолость
Здесь цветет не спеша.**

**По велению сердечному
Прихожу я сюда.
Все простое и вечное,
Как камыш и вода.**

**Сохранить бы от гибели
Лес и сена стожок,
Это озеро Рыбное
И зеленый лужок.**

Березка

**Разбежались вдоль поля березки,
Будто ветер их в спины толкал,
Словно в платьях зеленых подростки
Поспешают на первый свой бал.**

**А одна в стороне от подружек,
В ожиданье листьями дрожит,
Что ей солнечный ливень опушек,
Если ветер вершину кружит?**

**И все лето от счастья пьянеет,
Наливается соком листва,
А под нею цветет, зеленеет
И завидует тихо трава.**

**Но, к осеннему ливню ревнуя,
Ветер листья с нее оборвет,
Обнаженную грудь зацелует
И к холодному сердцу прижмет.**

**И она, леденя от горя,
Вся светясь, без зеленой листвы,
С привередливым другом не споря,
Все забудет, уснет до весны.**

**А весной разбежится вдоль поля,
Оторвется от милых подруг:
«Здравствуй, лето, зеленая доля!
Здравствуй, ветер, единственный друг!»**

* * *

**Пахнет мятой июльский день,
Под ногами травами плещет.
Словно кружево, легкая тень
От берез молодых трепещет.**

**Что-то в северном нашем краю
Входит в душу красою неброской.
Как последнюю радость люблю
Белоствольную диву-березку.**

**Не спешу я, бреду по траве.
Между колками солнца сиянье.
Пусть же длится, как в сказочном сне,
Это летнее очарование.**

* * *

**Зноем улицы истомились,
Попривяли листья тополей.
И часы вдруг остановились
В тишине изнурительных дней.**

**Жаждут влаги, вечерней прохлады
Люди, звери, деревья, цветы,
Но ни капли с неба-громады,
Только солнце и зной с высоты.**

**И в ночной тишине душен воздух,
Хоть бы краем прошел ветерок.
Купол неба темен и звезден.
Так, пока заалет восток.**

**Воспаленное солнце не хочет
Пригасить злого марева дым,
И в тиши изнуряющей ночи
Люди грезят дождем проливным.**

**Вот придет, вот прольется нежданно,
Раскаленный асфальт сполоснет,
Разбуянится злой и желанный
И за ближний околок уйдет.**

Из цикла «Вернитесь, рыцари!»

**А рыцарей давно уж нет.
Они ушли. Не для утех,
В музей сдав свои доспехи,
В глуши веков пропал их след.**

**И женщины напрасно ждут,
Надеясь каждая на чудо,
А вдруг вернуться, вдруг придут
И вновь им поклоняться будут?**

**Они ушли от пошлых слов,
От сплетен, властвующих ныне,
И от вульгарных париков,
От модных брюк и от бикини.**

**Вернитесь, рыцари, возьмите
В музеях шпаги и пращи,
Свою галантность заверните
В средневековые плащи.**

**Я верю, что смешны не будут
Ни преклоненье, ни призыв,
Возможно, вновь поверят люди
В любовь и рыцарский порыв?**

**И сменят женщины бикини
На платья, вееры в руках.
И установятся отныне
Любовь и рыцарство в веках!**

* * *

**Какие рыцари ходили
В поход за славой на мечи!
Какие Женщины любили
Отважных рыцарей в ночи!**

И если грустно без причины

**Бывало милое лицо,
Готов он броситься в пучину,
Чтобы достать ее кольцо.**

**Но канули бесследно в Лету
Те золотые времена,
Где менестрелям и поэтам
Держали дамы стремяна.**

**А ныне властно, без закона
Царит наживы божество.
И злонамеренный Мамона
Свое справляет торжество!**

Из цикла «Верю в сказки»

Новый год

**На оконных узорах
Разграненный хрусталь...
В белоснежных просторах
Сани мчат меня вдаль.**

Уезжаю в метели
От ненужных затей,
От разряженной ели
И от скучных друзей.

Вихри снежные мчатся
Рядом с санками влет,
Кони млеют от счастья,
Мчат в другой новый год.

Закружились, запели,
Снегом след замели.
Озорные метели
Заплясали вдали.

Спят дремучие елки
У таежной реки.
В пелене над поселком,
Как узор, огоньки.

Подкачу на опушке
В ледяном декабре
К одинокой избушке.
Свет мелькает в окне.

Под окошком аукну,
Напрошусь ночевать.
Чаем с мерзлой клюквой
Буду год провожать.

И засну под дерюжкой,
И всю ночь напролет
Будет сниться избушка
И чужой новый год.

Кристине Б.

Как всегда снежинки падают
И на крышах снова снег,

**На дороге за оградой
Оставляют санки след.**

**Вновь скрипят по снегу валенки,
Тащит радостный народ
Кто большую, а кто маленькую
Сосенку под новый год.**

**По тропинке за калиткою
Я шагаю, как в лесу.
И колючую, и гибкую
Тоже сосенку несу.**

**Наряжу ее царевною,
Хвойный запах сберегу,
По обычаю по древнему
Огоньки на ней зажгу.**

**Бусы перевью меж ветками,
Изукрашу мишурой,
И сосенка неприметная
Станет гордою сосной.**

**Простоит царевной гордою
Может день, а может пять.
А потом простой и голою
Станет сосенкой опять.**

**Поселится за оградой,
Словно было все во сне,
И снежинки снова падают,
И на крышах снова снег.**

* * *

**Я в детстве слепо сказкам верила,
В русалок, ведьм и чудеса.
Почти всерьез была уверена,
Что есть заветные леса,**

Где лешие на пнях с лукошками
Сидят, беседуя без слов,
Лесною ягодой морошкой
Морочат мавки женихов.
Где в глухомани, на болотине,
Избушка с бабою-Ягой
Седой, костлявою, всклокоченной
И с деревянною ногой.
Где с мрачных сосен совы ухают
И, заблудившись у трясин,
Царевны бедные аукают,
В болоте ножки промочив.
И длится сказка очумелая
До самых лютых холодов,
Когда зима из снега белого
На все набросит свой покров.
Пройдет Мороз, волшебным посохом
Навеет сказочные сны,
И нежить самым древним способом
Заворожит он до весны.
Весна придет, взмахнет приветливо
Цветным узорным рукавом.
И лес проснется каждой веткою,
Заблещет омут серебром.
И снова заспанные лешие
С лукошком сядут на пеньки
И будут конному и пешему
Сверкать морошки огоньки.
И одолень-траву разыскивать
Я снова в дивный лес бреду...
А чуда сказочного, близкого
Все до сих пор с надеждой жду.

В старом доме

В мой старый дом по вечерам
Приходят сказки и преданья.
И нежить жметя по углам,

Места облюбовав заранее.

**У батареи водяной,
Где раньше печь стояла русская,
Спит старый, добрый домовой,
Укрыв дерюжкой плечи узкие.**

**А там, в углу, где книжный шкаф
И кресло модное с вертушкой,
Сидит, укрывшись пледом, граф
В ботфортах, с лысою макушкой.**

**Жужжит в тиши веретено,
Прядет прабабка нить словесную,
Едва светлеется окно
И сонный кот за занавескою.**

**В мой дом, пока придет рассвет,
Стучатся сказки в сонном мареве
И продолжают много лет
Меня со щедростью одаривать.**

Сон

**Однажды мне ночью приснится
Полынная степь под луной,
Два рыжих коня в колеснице,
Отчаянный скиф молодой.**

**И я, в сновидения веря,
Начну каждый день ожидать,
Что вдруг приоткроются двери
И в них я увижу опять,**

**Как в ночь новогоднюю бойко,
Проходим и мне на беду,
Шальная старинная тройка
Застынет на полном ходу.**

**Седок, загостившийся, поздний,
Оставит в снегу санный след...
...А в небе холодные звезды
Всю ночь караулят рассвет.**

Из цикла «Мне снятся пушкинские сны»

* * *

**Прохладный, как музыка Грига,
Прозрачен осенний убор.
На желтые листья веригой
Накинула осень ковер.**

**Недаром в прохладную осень
Был ласково Пушкин влюблен.
В красу увядающих просек
И воздуха синего звон.**

**Присяду на дерн и лениво
Глаза я прикрою и вот
Навстречу мне неторопливо
Задумчивый Пушкин идет.**

**Багряный наряд свой под ноги
Неслышно роняют кусты.**

**Он смотрит сквозь них на дорогу
И тростью сгребает листья.**

**Дерновой скамье доверял он
Заветные думы свои,
А сколько придумал он сказок
У этой заветной скамьи!**

**Ну, надо ж такому присниться?!
Встаю, паутинку ловлю...
Мне, все-таки, есть чем гордиться:
Я осень, как Пушкин, люблю.**

Пушкин в Болдино

**Шапка снега с крыши свесилась,
Колокольчик издали...
В эту ночь ему пригрезилась
В бальном платье Натали.**

**Блеск, звон шпор, корсеты узкие,
С хоров котильон гремит,
А она такая грустная,
Беззащитная стоит.**

**И весь бал с молвою спешною,
С мишурой и суетой,
Покорен ее нездешнею,
Неземною красотой.**

**А она тепло, доверчиво
Вдруг взглянула на него.
И он понял: эта девочка
Ждет его лишь одного.**

**Шапка снега с крыши свесилась,
Колокольчик смолк вдали,
А ему до утра грезилась**

В бальном платье Натали...

К портрету Н. Ланской

**Ах, Натали, Вы так прекрасны!
Спокоен Ваш серьезный взгляд,
Как будто тень беды ужасной
Вас не коснулась во сто крат.**

**Как будто Вы давно забыли,
Что Пушкин в свой последний час
Друзей, что с ним всю боль делили,
Просил не беспокоить Вас.**

**О, Натали! Никто не знает
Ни Ваших слез, ни Ваших мук.
Спокойный взгляд не выражает
Ни скорбь утрат, ни боль разлук.**

**А под портретом «Н. Ланская»,
Как неудачный псевдоним.
Но я всегда Вас представляю
С поэтом рядом, только с ним.**

**Возможно, Вашим стал супругом
Какой-то генерал Ланской.
Но сердце ваше, как недугом,
Томилось странною тоской.**

**Стою у Вашего портрета
Под взглядом Ваших милых глаз.
Женой Великого Поэта
И только ею вижу Вас!**

Женщинам, любившим Пушкина

Ах, сколько раз он был влюблен!

**Арап неистовый и пылкий.
В любви и страсти клялся он
Графине, девке и бобылке.**

**И всякий раз уверен был,
Что страстно так влюблен впервые.
И бедной женщине сулил
Блаженства горы золотые!**

**О, как завидуем мы им,
Тем женщинам, что с ним встречались!
За миг лишь с Пушкиным самим
И жизнь отдать - такая малость!**

**Быть может, и не вспомнил он,
Не загрустил ни разу боле
И ни о Долли Фикельмон,
Ни о Калашниковой Оле?**

**А может «чудное мгновенье»
Всю жизнь вставало перед ним?
И вот за это вдохновенье
Мы вечно благодарны им!**

В Михайловском

**Шумят михайловские липы,
Дубы листьями шелестят.
Темнеют тайной нераскрытой
Куртины много лет подряд.**

**И чудится: туман, как вата,
Темнеет старый барский дом,
И грустный Пушкин, как когда-то,
Гуляет в парке, над прудом.**

**И думал он: «Теперь я снова
Здесь оказался за грехи...»**

**И для Наташи Гончаровой
Писал волшебные стихи.**

**Ну, а зимой холодной, мёртвой
Глядел в окно на белый снег.
И, как обыкновенный смертный,
Грустил Великий Человек.**

**Шумят михайловские липы,
Брожу по парку, тишь кругом.
И дышат тайною великой
Куртины, мостик, пруд и дом ...**

* * *

**Мне снятся пушкинские сны:
Скамья Онегина в Тригорском,
И гладь прудов в разгар весны,
Как блики, собранные в горсти.**

**И стройная аллея Керн,
Цветущих лип медовый запах.
Воспоминания потерь
Вместились в их зеленых лапах.**

**Брожу у Сороти одна
И, может быть, на той тропинке
Встречалась Пушкину весна
Крестьянкой в расписной косынке.**

**Счастливый уголок Земли!
Он здесь ходил и, может статься,
Что только Пушкину могли
Такие девушки встречаться.**

**И если вдуматься всерьез,
То время продолжает мчаться.
Под грохот войн и шум берез**

Нам пушкинские строки снятся.

* * *

**Когда у горя нет отдушины
И сердце высохнет дотла,
Я возвращаюсь снова к Пушкину-
Истоку силы и тепла.**

**Я прихожу к нему с печалью,
Стихи листаю не спеша...
И вот кристально – изначально
Моя становится душа.**

**И снова жажду счастья краткого,
Смеюсь и плачу в тишине.
С ее дарами и утратами
Жизнь возвращается ко мне.**

**Бросая в дрожь, даря волнение,
Сквозь бремя будущих веков
Войдет в иное поколение
Волшебство пушкинских стихов.**

* * *

**От ладоней моих
До ладоней твоих
Километры дорог нехоженых.
И от жизни своей**

Уже тысячи дней
Я не жду ничего хорошего.
Глупой сказкой живу
И во сне, наяву
Все на чудо надеюсь отчаянно,
Что ладонью своей
Я к ладони твоей
Прикоснуться смогу нечаянно.

Памяти матери
Ольги Александровны

В старом мамином доме
Тишина и уют.
Все до боли знакомо,
Узнаваемо тут.

Старых ходиков песня,
На полу лунный свет.
Все, как прежде на месте,
Только мамы здесь нет.

Старый ковш без эмали,
И к нему много дней
Сколько раз прикасались
Губы мамы моей.

Мамин фартук у печи,
Мамин плат на столе...
Но ни звука, ни речи.
Тишина на земле.

Жду, надеясь упрямо,
Вдруг, окликнет нас мама.

* * *

**В реденьком осиннике
Медведиху ранили.
И у зверя сильного
Душу испоганили.
Рана, что ей станется?
Заживет, загоится,
А обман останется,
Надолго запомнится.
В буреломе лечится,
Залегла медведица.
Роду человеческому
Ей теперь не верится**

Кукушка

**Одна в онемевшем лесу
Кукушка на ветке сидела.
На мертвую леса красу
Она с удивленьем глядела.**

**В лесу нет ни птиц, и ни гнезд
Ни пенья не слышно, ни свиста.
На ветках печальных берез
Беда тишиною повисла.**

**Как быть, ох, ну как же ей быть?
По старой кукушьей привычке
Куда ей теперь отложить
Свое дорогое яичко?**

**Весеннего солнца тепло
В пеструшку решимость вдохнуло,
И к старой березе в дупло**

Кукушка проворно впорхнула.

**Пусть птицам другим не везло,
«Ку-ку!» будет множиться звонко.**

**Кукушка природе назло
Решила взрастить кукушонка!**

* * *

**Иду по траве босиком,
Звонит под березкой цикада.
Мне здесь каждый кустик знаком,
Припек и лесная прохлада.**

**И еж, прошуршавший в листве,
Сосна на опушке кривая,
И озеро в яркой листве,
И тропка к нему полевая.**

**Сюда прихожу налегке
Потешить усталую душу.
Люблю посидеть на пеньке,
Концерты лягушек послушать.**

**От ранней весны к октябрю
Здесь столько цветов расцветает!
Природу я благодарю
За щедрость к родимому краю.**

Рябина на снегу

**Бесшумною мглой снеговою
Наполнился день голубой.
Искристой большой пеленою
Прилег снегопад над землей.
И вот неожиданно ярко,
Как молнии шар на бегу,
Рождественским милым подарком
Сверкнула рябина в снегу.
Пять капелек алых. Откуда
Попали на девственный снег?
Иль птица сронила то чудо,
Иль бросил, спеша, человек?
Он даже не думал об этом,
Небрежно пройдя по снегам,
Какую гармонию цвета
Открыл нашим жадным глазам.
А я этой дивной картины
Забыть до сих пор не могу:
Пять капелек алой рябины
На белом, слепящем снегу.**

Татьянин день (дочери)

**Снежок скрипит под быстрой ножкою,
Морозец прогоняет лень.
А за узорными окошками
Татьянин день, Татьяна день.**

**Сугробы снега на завалинках,
Бураном замело плетень.
Кругом бело, и в белых валенках
Уходишь ты в Татьянин день.**

**Снежинки мчатся за салазками,
Ты удивляешься сама:
Становится волшебной сказкою
Обыкновенная зима.**

**И заколдованно качается
В окне еловой лапы тень.
Пусть он с тобою не прощается
Татьянин день, Татьянин день.
Родителям**

**Моя рука в пушистой варежке
Коснулась ласково ограды.
Как спится вам, отец и матушка,
Под этой сенью снегопада?**

**Но ни словечка, ни прощания,
Молчат родимые навечно.
Как тяжело мне под то молчание
Стоять с истомою сердечной.**

**Здесь тишина и безмятежие,
А я слезы своей не скрою,
Что принесла в безмолвье снежное
К родному вечному покою.**

Клуб «Подлесок» благодарит Сапарова Айдарбека Сейпелловича за помощь в издании этой книги.